

Наталья Берзина, Валерий Берзин Другой

Угрюмые свинцовые тучи мчались по низкому мрачному небу. Ветер рвал старый походный плащ, пронизывал всадника насквозь. Выглядывающая изредка огромная, отливающая кровью луна, озаряла время от времени разбитую дорогу. Вспученные, перевитые корни деревьев, толстыми змеями торчали из жирной, чёрной земли, хватали усталого коня за ноги, мешали скакать. Ночь вязкая, мрачная, опустилась на мир.

Суровое, словно вырубленное из старого дерева лицо всадника, устремлённое вперёд, было абсолютно бесстрастным, лишь глаза полыхали лютым, неукротимым огнём. Откинутый ветром капюшон, трепетал за спиной, то надуваясь парусом, то опадая. Длинные чёрные волосы, уже тронутые серебром, развевались словно шлейф.

За спиной остался дремучий лес, копыта всё чаще стучали о камни. Дорога круто забирала в гору. Далеко внизу остались луга, заросли корявых кустов, теперь вокруг были только камни. Там, на вершине горы, словно остриё копья, пронзившей низкое предгрозовое небо, высилась одинокая чёрная башня. Дорога давно кончилась,

неприметная тропинка ещё какое-то время вилась между огромными каменными глыбами, но вскоре исчезла и она. На продуваемой злым ветром площадке конь вдруг встал как вкопанный. Всадник без всякой надежды тронул его шпорами, но, понимая бессмысленность собственных усилий, соскочил с седла, и бережно подхватив длинный, завёрнутый в выбеленное полотно свёрток, направился к башне.

Он шёл осторожно, прижимая к груди бесценную ношу, ногами отыскивая надёжные, крепко лежащие камни. Дыхание его уже сбивалось, видно было по всёму, что свёрток тяжёл, но мужчина даже не задумывался об отдыхе. Он поднимался всё выше, пока не достиг сложенной из исполинских камней башни. Тяжёлые литые, из толстой крепкой бронзы двери, гулко зазвенели под его ударами. Будто откликаясь на их звон, отозвалось далёкое эхо.

— Это ты Воин? Что нужно тебе от меня? — послышался, словно из камня, старческий голос.

— Отворяй, Трилиус. Мне нужна твоя помощь! — гулко ответил Воин.

— Тебе? Моя помощь? Это после того как ты расправился с моим братом? Ты смеёшься надо мной, Воин. Я никогда не открою тебе башню! — заскрипел невидимый старик.

— Трилиус, я разнесу и твою башню, если ты

мне не поможешь. За то, что сотворил твой брат, ответишь ты, а он уже получил по заслугам, — прорычал Воин.

— Ты мне грозишь, смертный? Да я ведь сейчас испепелю тебя! — неожиданно окрепнув, прозвучал голос Трилиуса.

— Я не умею грозить, но ты сам прекрасно знаешь, чем всё закончится. Не забывай, что ты так же смертен как все остальные. Или пример Дулиуса тебя ничему не научил?

— Дулиус был моложе меня и мог не знать заклинаний! А я величайший из магов! Тебе не уйти от силы заклатья! — набирал силу голос.

— Хватит шуметь! Не хочешь отворить, я войду сам, но помни о судьбе Дулиуса, — уже не подавляя гнева, закричал Воин.

Дверь неслышно ушла в сторону, открывая темный проход. Там едва угадывались крутые, каменные ступени. Воин, не выпуская из рук нелёгкой ноши, решительно направился вверх по бесконечной лестнице. В глубоких нишах толстых стен стояли закованные в броню безмолвные стражи. Воин уже сталкивался с ними и отлично знал чего они стоят, но прекрасно усвоил и секрет их уязвимости, потому его сапоги продолжали грохотать по каменной лестнице. Казалось, вечность пошла к тому времени, как он поднялся в роскошно убранную залу под самой крышей.

За длинным столом, в высоком, поистине царском кресле восседал огромный, сильный молодой мужчина. Толстый кожаный доспех, покрывал свитую из маленьких булатных колец длинную рубаху. Толстые, перевитые крепкими жилами руки, опирались на рукоять огромного, редкого в здешних местах двуручного меча. Чёрным диким гневным огнём сверкали глаза. Чёрные, будто крыло ворона волосы стягивал широкий булатный обруч.

— Зачем ты пришёл, Воин? Я ведь предупреждал тебя, что способен размазать тебя по камню твоим же оружием. Что ты хочешь добиться? — прогремел невероятно могучий голос, казалось, сама несокрушимая башня задрожала.

— Трилиус, ты давно знаешь меня. Я пришёл за справедливостью, и остановить меня не сможет никто и ничто, — равнодушно ответил Воин и оглянулся.

Широко шагнув, он опустил на каменный выступ белый свёрток. Слабый едва различимый стон донёсся из него. Выпрямившись, Воин сбросил пыльный старый плащ и заботливо укрыл свою ношу.

— Ты, отлично знаешь, Трилиус, что сделал твой брат. И боги видят, такое злодеяние не должно остаться безнаказанным. Я не подарил ему лёгкой смерти. Ты, вероятно, видел сам как умирал

Дулиус. Выбирай. Либо помощь мне, либо для тебя я придумаю нечто ещё худшее, — спокойным, чуть усталым голосом сказал Воин.

— Но тебе, не справишься со мной! Я не только мудрее тебя, но и сильнее! Мой меч рассецёт тебя на самые маленькие кусочки, я разбросаю то, что останется от тебя на сотню переходов вокруг! — зарычал Трилиус.

— Не стоит меня пугать, старик. Или ты ещё не узнал этого кольца? Да, это кольцо Мары, она сама одела его на мой палец, так что твои уловки совершенно бессильны, — с легкой грустью произнёс Воин и поднял шуйцу.

В тот же миг, будто рябь пробежала по зале. В мгновение ока исчез и стол, и роскошное убранство, да само кресло в котором находился черноволосый гигант, превратилось жалкое ложе, на котором, сгорбившись, сидел худой горбоносый старик, в синем, вышитом падающими звёздами плаще. Жидкие седые волосы подали на узкие, немощные плечи, узловатые старческие руки прижаты к груди. Выцветшие глаза с неприкрытой злобой смотрели на могучего Воина.

— Чего ты хочешь? Я не смогу снять заклятья. Его душа уже не принадлежит никому. Дулиус убил в нем искру Рода! Тебе никто не поможет! — дребезжащим голосом вымолвил Трилиус.

— Сделай что можешь, ты должен вдохнуть в него жизнь. Он единственный. Ты знаешь это! — глухо пророкотал Воин, шагая к Трилиусу.

— Ты думаешь, что искра Рода живёт в каждом? Такие люди редки, где найти её? Ты знаешь? Я нет! — сжимаясь в комок, пропищал Трилиус, видя, как надвигается на него Воин.

— Я знаю. Я говорил с Даной. У тебя есть кусок скорлупы первойяца. Ты заронишь огонь к его душу.

— Это невозможно, у меня, наверное, последний, единственный в мире осколок из тех, что принёс когда-то Таргитай. Я не отдам его никому! За все земные богатства не отдам! — ещё больше дрожа от страха, со злостью выкрикивал Трилиус.

— Твоё дело. Но Ящеру ведь всё равно, был у тебя в этом мире осколок скорлупы или не был. А к нему ты попадёшь прямо сейчас. Выбор у тебя невелик. Твоя жизнь зависит от него, — Воин указал на свёрток.

— Я не уверен, что удастся. Никто не делал этого, такое подвластно было только самому Роду, — начал искать оправдание Трилиус.

— Спаси его и живи, как хочешь, — твёрдо сказал Воин.

— Так вот, дорогой Стасик! Так дальше

продолжаться не может! Ты хоть когда-нибудь обо мне думаешь? Неужели так трудно поверить родной жене? Я что уже не заслуживаю доверия? — продолжала возмущаться Ирина.

— Начнём с того, что ты мне совсем не родная. Родство определяется по крови, а ты для меня близкий человек, — вяло сопротивлялся Стас. — Кроме того, объясни, почему я тебе должен верить, если ты провела ночь неизвестно где и упорно не говоришь правды.

— Я тебе уже сказала! Да, засиделась у подруги. Это что преступление? Ты тоже частенько остаёшься на работе, если программа не идёт. Почему ты к себе такие требования не предъявляешь? — наседала Ирина.

— Я не выключаю телефон. Ты можешь связаться со мной в любой момент. Кроме того, ты прекрасно знаешь, где я нахожусь. Твой телефон был выключен с шести вечера. Ни одна из известных мне твоих подруг не призналась в том, что ты была у неё, — устало сказал Стас. — Вообще, не понимаю, почему именно я оправдываюсь. Ты отправилась в загул, а я обязан воспринимать это как должное? Может нам не стоит жить вместе?

— Как это? А на что я буду жить? — совершенно искренне удивилась Ирина. — Ты всё же мой муж и обязан...

— Стоп! — вдруг повысил голос Стас. — Запомни дорогая, я тебе ничего не обязан. Ты думаешь, я не знаю, что ты мне изменяешь? Ошибаешься. Догадывался давно, а сегодня убедился окончательно.

— Ты выходит, следил за мной?! Такой же ты подлец Стасик! Я верила тебе, а ты...

— Ирина, я устал от вранья и твоих постоянных претензий. Я уйду, живи, как хочешь, — Стас встал, и чуть склонив голову влево, внимательно посмотрел на жену. — Сегодня я дал своим дополнительный выходной. Сам поеду на озеро. Проветрюсь. В понедельник отвезу заявление о разводе, пока посмотри текст, если есть замечания, позвони мне, обсудим. Я не хочу долгой процедуры. Я устал от тебя Ира. Прощай.

Подхватив рюкзак с лодкой и припасами, Стас взял зачехлённые вёсла и остановился на мгновение. Эта квартира была ему по-своему дорога. Слишком долго он прожил в ней, рассчитывал на то, что у него будет хорошая счастливая семья, увы, не сложилось. У него есть три дня, чтобы в тишине всё обдумать, взвесить, принять единственно верное решение. Три дня и три ночи, времени более чем достаточно. Жизнь с детства научила его действовать быстро. Тому причиной и регулярные занятия спортом и нечто передаваемое из поколения в поколение на

генетическом уровне. Именно то, что делает так похожими отцов и сыновей.

Ведя машину в толчее городских улиц, Стас думал о том, что очевидно пришла пора подводить итоги. Первый раз он произвёл переоценку ценностей, пять лет назад, когда достиг того, чего хотел. Завкафедрой прикладной математики в тридцать лет, это не так мало как кажется. Пришлось работать очень много и упорно. Руководитель его кандидатской диссертации пророчил ему, Станиславу Стерхову, большое будущее в науке. Но, достигнув желаемого, Стас неожиданно заскучал. Начатую работу над докторской забросил, прекрасно осознавая, что выше завкафедрой ему не двинуться ещё очень долго. Выход нашёлся очень быстро, причём такой, что поверг в шок и Ирину, и многих сотрудников университета. Стас бросил всё и ушёл на вольные хлеба. Основал собственную фирму, собрал в неё молодых талантливых программистов и занялся новым для него делом. Пусть не сразу начало получаться. Почти год он и его команда едва сводили концы с концами. Но упорство и трудолюбие всё же победили. Дела резко пошли в гору. Стас пропадал в офисе сутками, позабыв обо всём кроме работы. Теперь его фирма занимала далеко не последнее место в компьютерном мире.

То, что Ирина заскучала, он заметил уже

достаточно давно. Охлаждение началось с постели. Всё чаще она, ссылаясь на усталость или нездоровье, отказывала ему в близости, а затем где-то около года назад отношения между супругами вовсе сошли на нет. Стас, пытаясь что-то исправить, предпринимал одну за другой попытки восстановить утраченное, но Ира оставалась глуха к его словам. Не реагировала на устроенные для неё романтические вечера, вообще вела себя словно совершенно чужая женщина, случайно живущая под одной крышей со Стасом. После того как у него начали появляться достаточно серьёзные деньги, Ирина очень изменилась, у неё появились новые подруги, иные интересы. Теперь она целыми днями пропадала в тренажёрных залах, на теннисных кортах, в бассейне. Стас не препятствовал, регулярно оплачивал всё растущие счета и не требовал отчёта. В том, что в жизни жены начали появляться другие мужчины, он почувствовал по изменениям в её поведении. Не придумав ничего лучше, он попытался стать для неё единственным и неповторимым, но вероятно время уже было безвозвратно упущено. Теперь она и вовсе осталась у кого-то на ночь. Терпение Стаса лопнуло.

Город давно остался позади, машина летела по пустынному шоссе. В это время как обычно машин было мало и вполне можно было получить удовольствие от скорости. Стас вообще любил

быструю езду. Да и машина позволяла. Именно из-за неукротимого темперамента он выбрал «БМВ», размеры не слишком большие, мощный легко раскручивающийся мотор, и восхитительная управляемость. До бумки он сменил много автомобилей, но этот задал в душу. Возможно, они в чём-то были схожи, машина и её водитель. Стас с детства увлекался спортом, в школе серьёзно занимался самбо, затем классической борьбой, получил в каждом виде первый разряд, а в университете увлёкся современным пятиборьем. Неоднократно побеждал на соревнованиях, даже удостоился звания кандидата в мастера спорта. Тренер души в нём не чаял, страстно желал вырастить собственного чемпиона, но Стас решил, что наука для него важнее, немного отошёл от спорта, хотя и продолжал поддерживать хорошую спортивную форму. Задумавшись, он едва не проскочил заветный поворот. Взвизгнув резиной по раскалённому асфальту, с креном вошёл в вираж и вот уже гравий забарабанил по днищу. Осталось всего сорок километров сначала по гравийке, а затем по разбитому просёлку. Но место, куда он направлялся, того стоило.

— Ты готов к этому? — понурившись, спросил Трилиус.

— А ты уверен, что ничего другого сделать

нельзя? — не поворачиваясь, уточнил Воин.

— Есть только такое описание. Другого я не нашёл. У меня есть драгоценная Книга, добытая самим Ольгом, но прочесть её я не могу. Она написана языком, что был ещё до Забвения. Если хочешь, я расскажу, как Ольг добыл эти драгоценные книги. Очень давно, маг и великий отшельник со своими друзьями и побратимами...

— Трилиус ты забываешь, от чего зависит продолжительность твоей жизни, — грубо оборвал его Воин.

— Воин, ты тоже рискуешь! Он может никогда не вспомнить тебя! Если удастся, то он станет Другим. Его жизнь потечёт по пути предначертанным самим Родом¹. Над ним даже Числобог² будет не властен. Не боишься, что однажды тебе придётся погибнуть от его руки?

— Маг, не стоит меня запугивать, Род не позволит ему, возрождённому, стать на сторону Чернобога³, а встречи с Ящером я не боюсь.

¹ Род — первобог, создатель всего сущего

² Числобог — повелитель текущего времени.

³ Белбог и Чернобог — повелители добра и зла. Белбог дарует удачу, Чернобог приносит горе и смуту.

Числобог никогда не ошибается в отношении смертных, придёт и мой черёд. Но я хочу, чтобы он жил, яро, дерзко, смело как должен настоящий муж. Давай Трилиус начинай, не тяни, он уже совсем плох. Даже губы чернеют.

— У меня всё готово, но нам нужен Камень Рода. А самый древний, в шести переходах отсюда, — внимательно глядя в глаза Воину, сказал Трилиус.

— Что ты хочешь? Золота? Вот, забирай всё что есть! — Воин швырнул тяжёлый кошель на стол, заваленный свитками. — У тебя должен быть способ, только пошевеливайся.

— Забирай его и пошли, — пряча довольную улыбку, прошамкал Трилиус.

С верхней площадки открывался вид на дальние, у самого окоёма, горы. Там уже блистали молнии, едва слышно доносились раскаты грома. Под ногами тянулась во все стороны жуткая, вязкая, словно смола чернота. Где-то там, далеко внизу луга, возделанные поля, укрывшиеся среди бескрайнего леса крошечные деревеньки, и далеко, словно на краю света, Барбус. Стольный град, с которым два десятилетия назад связал свою судьбу Воин.

Трилиус отвязал от одного из зубцов башни ветхий пыльный ковёр. Развернул его на каменном полу. Обошел вокруг, бормоча что-то и едва

шагнул на середину, как ковёр начал словно всплывать, края его затрепетали, будто на небольшой волне, сам он начал приподниматься, всё ещё не совладав с тяжестью пусть и щедушного, но человеческого тела. Воин, не выпуская белого свёртка из рук, тут же шагнул к магу.

— Не собрался ли ты от меня сбежать старик? — сверкнув зубами, спросил он Трилиуса.

— Нет, что ты Воин и в мыслях не было! — затрепетал словно лист маг. — Мы уже летим! Видишь? Всё, уже летим!

В самом деле, далеко внизу уже блеснула лента Реки, а справа, вдаль медленно начали удаляться огни Барбуса. Ветер трепал волосы, но Воин даже не думал завернуться в плащ, он только поплотнее укутывал в него тело сына.

Двадцать лет назад он пришёл в это царство простым наёмником. В то время как раз Куявия⁴ стала расширять свои пределы за счёт соседей. Конечно, боевые драконы, серьёзный аргумент. Но маги, подкупленные царом Куявии, уже пропустили чужие войска через горы. Воина началась на равнине. Плохо обученная армия

⁴ Куявия, Артания, Славия и Барбус — древние праславянские государства.

Барбусии таяла как воск на огне. Связи с Древним Градом не стало. В горных ущельях ещё шли бои, а на равнине уже вовсю разбойничали конные разъезды куявов. По всему было видно, что Барбус очень скоро окажется в осаде. Жители бежали в леса, надеясь отсидеться. В это самое время, когда в самом граде уже почти не было защитников в город, через Северные ворота и вошёл относительно молодой, но, видно по всему, уже бывалый воин. Спросив у стража как найти начальника гарнизона, он поправил перевязь и тяжёлой секирой и направился в сторону тцарского двора, где и находились казармы городской стражи. Больше войск в Барбусе уже почти не осталось.

Начальник стражи принял его настороженно, вдруг лазутчик, но спустя два дня он уже совершенно спокойно назначал Воина в караул у городских ворот. Огромного роста, небывалой силы Воин, не стремился искать друзей, всегда был замкнут, о себе почти ничего не рассказывал, как и о далёкой родине. Но, тем не менее, ему доверяли абсолютно все, и соратники и десятник, как впрочем, и сам начальник стражи, к тому времени принявший на себя командование маленьким гарнизоном. Всё чаще куявские всадники появлялись у стен Барбуса. На рожон не лезли, но издали высматривали, вынюхивали, выискивали слабые места. Всем было очевидно, что кольцо

осады вот-вот замкнётся. И когда останется только уповать на богов. Единственной надеждой, но, увы, несбыточной, оставались боевые драконы и войска сосредоточенные на границе со Славией. До сих пор ни один гонец, так и не вернулся назад. Они уходили и исчезали бесследно. В то время когда многотысячная армия Куявии замкнула осаду, последняя надежда на подмогу исчезла.

Воин сам пришёл к Влаху, начальнику гарнизона. Предложил себя в качестве посыльного. Недолго раздумывал Влах. Согласившись, поручил Воину пробраться в горы. Тем же вечером, неслышной тенью соскользнул с крепостной стены, полуголый человек, в мягких кожаных штанах, и волчовке распахнутой на могучей груди. Никем не замеченный он просочился мимо кордонов куявцев и растворился в ночном лесу. Стремительной тенью мчался он между высоких деревьев, с каждым мгновением удаляясь всё дальше и дальше от града. К утру, он был уже у подножья гор. Казалось, осталось совсем немного, но именно здесь его постигло полное разочарование. Все подходы и ущелья были буквально перегорожены куявцами. Положение критическое. Иного выхода у человека не было.

Выбрав укромное место, он скинул с себя одежду и, разбежавшись по кругу, вдруг высоко подпрыгнув, бросился плашмя на землю. Острая

боль стеганула по телу, сознание разом помутилось. Сильно ударив раз — другой руками — крыльями, он воспарил над лесом.

Земля быстро удалялась, стремительно пролетали далеко вниз, предгорья, вот уже показались неприступные скалы, узкая вырубленная среди скал дорога, тонкой нитью вьётся по отвесной стене ущелья. Виднеется каменная стена с крепкими воротами, перегораживающая подступы. Только ни одной ровной площадки нет, а руки — крылья слабеют с каждым мгновением. Лучше уж как большинство невров⁵ перекидываться земным зверем, волком или медведем, ну хотя бы той же рысью. Слева мелькнула плоская, словно срезанная ножом вершина горы покрытая синеватым снегом, единственное ровное место. Другого выхода нет. Снижение, удар, суставы будто вывернулись в обратную сторону. Жаркая как жерло печи боль. И мир пропал на время.

Как ни крепка кожа, но ободрал он ей на коленях и груди основательно. Кровь сочилась из многочисленных глубоких царапин. Не обращая внимания на холод и боль, человек начал долгий и опасный спуск. Пальцы рук заледенели, не

⁵ Невры — одно из древнейших праславянских племён.

чувствовали холодного камня, но жизнь слишком многих стояла под угрозой. Осторожно, стараясь не торопиться, он спускался всё ниже пока, наконец, не очутился на дороге. Бегом, невзирая на наготу, он бросился вверх, к виденному с высоты Древнему Граду. Тело начало понемногу отогреваться. Руки и ноги уже обрели чувствительность, вот только кровь начала сочиться обильнее. Пока он добрался до запертых ворот, всё тело покрыла корка из грязи и крови. Теперь оставалось убедить, укрывшегося в граде, тцара, выслать помощь осаждённому Барбусу.

Надувная лодка покачивалась на небольшой волне. Солнце жарило так, словно стояло не начало мая, а июль. Стас ещё раз обошёл машину, придирчиво осмотрев площадку, не забыл ли чего и, убедившись, что всё в полном порядке, забрался в лодку. Вёсла распорили воду, попутный ветер ощутимо подгонял надувнушку и плыть было довольно легко. Стас размеренно грёб, держа глазами привычный ориентир. До острова было около километра по воде. Высокий, поросший вековыми соснами он заслуженно носил название Гостиный. Один раз побывав на нём, будешь постоянно хотеть, вернуться сюда снова и снова. Уютные бухты, очаровательный песчаный пляжик и огромный Камень, с необычной ложбиной в

которой так любил лежать Стас. Когда-то отец показал ему этот остров, и с тех пор уединённое озеро стало для него прибежищем в трудную минуту. Он приезжал сюда вроде бы на рыбалку, а сам часами лежал на Камне, слушал плеск воды, шум ветра в сосновых кронах и думал. Здесь он принимал самые ответственные решения. У Стаса, когда он устраивался на Камне, всегда появлялось необъяснимое чувство отрешенности. Мысли становились светлыми, острыми и разгадки самых сложных задач находились как бы сами собой. И теперь он стремился поскорее достичь острова. Забраться в согретую солнцем ложбину, закрыть глаза и спокойно всё обдумать. Дело с разводом, можно считать решённым, но существовало ещё нечто не дававшее покоя.

Высокий камыш зашелестел о борта лодки, оглянувшись, Стас направил её в узкий проход и немного разогнавшись, выскочил на мелководье. Вытащив лодку на песок, он достал рюкзак, поднялся на обрыв и остановился возле Камня. Потрогал тёплую шершавость гранита, посмотрел на озеро и решительно направился к месту обычного своего бивуака. Установил палатку, собрал хворост для костра, сходил к крошечному, обустроенному им, ещё лет десять назад, роднику, набрал воды. Солнце стояло в зените, его лучи, пронзая кроны сосен, весёлыми золотыми пятнами

сверкали на опавшей хвое. Где-то неподалёку зазвучала кукушка. Стас усмехнулся, если уж и спрашивать, сколько осталось, то лучше всего у дятла. Сегодня он по непонятным причинам, откладывал момент общения с Камнем. Будто ожидая чего-то. Пока в котелке булькала нехитрая похлёбка, Стас обошёл свой остров, стараясь не приближаться к обрыву. Посмотрел, как играет рыба в темной воде северной бухты, не спеша, пообедал. Закурил сигарету, глядя в затухающий костерок. В маленьких красно-синих огоньках, что метались в остывающих углях, чудилось ему крошечные живые существа, неслышный голос, что-то шептал, догорающий костёр манил к себе, отзываясь грохотом крови в висках. Внезапный толчок заставил Стаса подняться и идти к Камню. Свинцово-серые тучи, появившись ниоткуда, заволокли небо. Резкий порывистый ветер не давал идти. Привычный мир странно изменился, подъём стал круче, Камень словно поднялся выше. Преодолевая внезапную слабость, Стас взобрался на него, лёг в ставшую почему-то глубже, ложбину и, раскинув руки, начал всматриваться в круговерть туч над головой.

Неясный доселе голос, зазвучал громче, слова непонятные, на чужом, незнакомом языке, то звучали высоко, то грохотали камнепадом. Где-то далеко, за тучами, что-то сверкнуло нестерпимым

ослепительным светом, начало приближаться. Сверкающий серебряный шар, прорвав черноту грозовой ночи, устремился к Стасу. Завис над ним, переливаясь и горя множеством микроскопических солнц. Начал разбухать, разрастаться. Нестерпимый жар на миг опалил глаза, лицо, проник внутрь и вдруг сменился приятной прохладой. Запахло озоном, лесом, весной. Перед глазами на миг появилось суровое мужское лицо. Темнота обрушилась словно удар.

За воротами его схватили. Он объяснял, убеждал, упрашивал, но пыточная уже ждала его. Два дня и две ночи, мучений. Плетки, дыба и снова плетки, клещи рвали его уже потерявшее чувствительность тело, но воин упорно стоял на своём. Лишь утром третьего дня тцарь поверил, остановил, разматывающего в очередной раз измочаленную плеть, палача.

— Верю! Лекаря ему. Баню. Девок. Чтобы к завтрашнему утру здоров был, — отрывисто бросил тцарь Золтан и вышел из камеры пыток.

— Чего зря тянул? — пробасил палач, пожимая широченными обвислыми плечами, когда за тцаром закрылась тяжёлая дверь.

Развязав путы, он, крикнув, взвалил на плечо едва живого Воина и, задевая его окровавленным телом о каменные стены, понёс во двор. Бросив под

навес, неспешно, покачиваясь на коротких кривых ногах, отправился за лекарем. Присланные девки, осторожно перекатали Воина на расстеленное полотно и вчетвером, перекашиваясь от натуги, понесли в баню. Пришедший лекарь осмотрел его и, убедившись, что кости целы, а мясо нарастёт, удалился. Уложив истерзанное тело на полок, девки принялись стирать кровавое месиво пучками лечебных трав, размоченных в горячей воде. На открытые раны прикладывали целебные бальзамы, отогревали, оглаживали израненного воина своими мягкими телами. Здесь же в жарко натопленной бане кормили его, ласкали. Воин быстро приходил в себя под их нежными, но крепкими руками. Да и девки откровенно радовались, что им попался такой великолепный образчик мужской породы. Уснули они все вместе, прямо в бане усталые, но весьма довольные. Воин очень быстро восстановил силы.

Утром ему принесли одежду, самую большую, какую нашли, отвели к тцару. Тот его принял у себя, в палате, за накрытым столом.

— Ты говоришь, что Барбус можно отстоять? — грозно глянул Золтан.

— Да, не только возможно, но необходимо, — ответил воин. — У тебя тцар, есть для этого всё необходимое. Да, не скрою, павших будет много, но ни тебя, ни твоих наследников не станут больше тревожить правители Куявии.

— Ты говоришь так, словно уже стал моим главным военачальником. Забываешься, не таким как ты я приказывал рубить головы.

— Согласен с тобой тцар, пока голова моя немного стоит, но пара крепких рук умеющих держать секиру или меч лишними для тебя не будут.

— Вот и поживёшь тогда до победы, а дальше посмотрю, что с тобой делать. Ты слишком наглый, ведёшь себя так, будто ровня мне. Я, да будет тебе известно, из рода самого Панаса.

— Мне это известно, тцар. Позволь мне пока изложить тебе наш план.

Выйдя из палаты, Воин уже как полноправный ратник отправился в оружейную. Как ни странно, но там заправлял его недавний знакомый, всё тот же палач, истязавший его двое суток подряд. Хмуро взглянув на вошедшего, он пробурчал:

— Чего ещё? Снова на дыбу захотел?

— Злой ты. Меня тцар за оружием прислал. Тебе велел дать всё, что выберу.

— На тебя доспех я не подберу, уж больно ты здоров, и что касается меча, то выбирай, этого добра хватает. Ратников нет, а мечи... сколько хочешь, хоть по два сразу.

— Тогда я два и возьму. И ещё секиру мне дай. Я к ней привык.

— Пошли, коли так, — с ноткой уважения буркнул оружейник и поковылял в просторный подвал. — Смотри, выбирай, пробуй.

Воин окинул взглядом просторное помещение. Оружия, самого разнообразного и впрямь было много. На полках лежали охапки тяжёлых мечей, у стен стояли двуручные секиры, шлемы разных форм и размеров громоздились в углу. В огромном сундуке поблёскивали длинные, словно кинжалы наконечники копий, в другом, колючими ежами топорщились острые жала, связанных пучками, стрел. Длинные луки стояли рядом с ларём, доверху наполненным клубками с тетивой. Воин задумчиво подошёл к стеллажу с самыми длинными мечами, взял один, вынул из потёртых ножен, со свистом взмахнул, отложил. Покопавшись, нашёл ещё такой же. Проверил остроту клинка. Взяв по мечу в руку, внимательно посмотрел на оружейника.

— Сам-то умеешь с оружием обращаться?

— Ты малец, ещё сиську мамкину сосал, когда я уже был лучшим мечником! — с вызовом ответил оружейник.

— Пошли, поглядим, — смиренно предложил Воин. — Только щит, возьми покрепче.

Они вышли во двор, где уже толпились ратники. Объявленный общий сбор начинался. Предстоящий поединок, тут же вызвал немалый

интерес. Мигом расчистили круг, стали плотно, закрывшись щитами. Под одобрительные крики оружейник потряс над головой, зажатыми в руках шитом и невероятно тяжёлым, широким и длинным мечом. Рослый, с необъятно широкой выпуклой грудью, крепкими, достающими едва ли не до колен руками, он выглядел очень серьёзным соперником. Из-за относительно коротких ног, он наврядли мог двигаться быстро, но широченные плечи, вкуче с длинными, сильными руками, делали каждый его удар нечеловечески сильным и неотвратимым.

Воин хотя и превосходил оружейника ростом, казался рядом с ним довольно щуплым. Не спеша, пройдясь по кругу, он под смех собравшихся отбросил несколько камней попавшихся на пути. Остановился. Чуть склонив голову влево, посмотрел на оружейника, и словно не слыша восторженных криков — «Убей чужака, Бер», негромко спросил:

— Тебя что ли Бером кличут? — и, заметив утвердительный кивок, продолжил. — Готовься Бер.

— Уже. Начнём! — выдохнул Бер и, покачиваясь всем телом, двинулся вперёд.

— Запомни Бер, меня зовут Стерх, — крикнул Воин и шагнул навстречу.

Взметнувшиеся мечи встретились, несильно, только пробуя силу соперников. Звякнули

призывно и со следующим ударом обрушились со всей мощью. Искры прыгнули в разные стороны, словно испуганные яркие рыбки. Закрывшись щитом, Бер рубил с чудовищной силой, каждый удар был смертельный, способный разрубить противника от макушки до самой развилки. Но всякий раз его меч только высекал искры из клинка Стерха, и уходил в землю.

Стерх, похоже, не торопился атаковать, парировал удары, уклонялся, легко скользя по утоптанной земле. Лишь время от времени, будто невзначай, ударял по щиту Бера. Видя, что соперник начинает понемногу звереть от безуспешных попыток сразить его, Стерх чуть отступив, вдруг взметнул оба меча, и завращал их с такой скоростью, что казалось, в руках его разом возникли два сверкающих круга. Спустя миг от щита Бера осталась лишь дощечка величиной с небольшую тарелку, а меч вообще улетел в зритель, с грохотом ударившись и выставленный щит.

— Всё, пожалуй, — невозмутимо сказал Воин. — Ты хороший ратник, Бер. Только умения маловато.

Ошеломлённый Бер стоял посреди разом примолкшего круга. С таким бойцом здесь ещё никто не встречался. Слухи ходили, что далеко, за артанскими степями живут иные народы, умеющие

пускать стрелы на полном скаку, живущие на своих конях, никогда не ступающие на землю. А за полночным морем на неведомых островах есть странные северные люди, белые, словно снега, среди которых строят они своим каменные жилища. Они будто бы столь смелы и свирепы, что перед боем не надевают доспехов, а бросаются на врагов с открытой грудью, сжимая в каждой руку по длинному мечу. Убить их невозможно, ибо, даже будучи израненными, они продолжают сражаться, пока силы не оставят их и не спустятся к ним с небес прекрасные девы-валькирии, и не унесут в небесные чертоги. Чужак, же не был бел как те северяне, но дрался как они, двумя тяжёлыми мечами, волосом же был чёрен, словно вышел из того народа, что живёт верхом на конях и зовётся по-эллински кентаврами, то есть конными таврами.

Воин стоял, опустив мечи, посреди замершей толпы, спокойный и невозмутимый, будто не он только что обезоружил лучшего и сильнейшего бойца.

Бой начался перед рассветом. Воин вёл свой десяток горцев прямо к шатру тцаревича Мигарда. Мигард, старший сын тцара Велигарда уже успел прославиться как умный, расчетливый и непобедимый военачальник. Несмотря на молодость, он уже почти вдвое расширил пределы

Куявии, подчинив себе, часть Славии, большую часть Диких земель и надёжно закрепился на левом берегу Реки, потеснив доселе неукротимых артанцев. Теперь заперев в горах Золтана, и осадив Барбус, он готовил войска к решительному сражению. На стороне Мигарда были сила, решительность, напор и армия, уверенная в собственной непобедимости. Что мог противопоставить всему этому Золтан? Старые стены стольного града да ещё пять тысяч, решительных, неплохо вооружённых, но слабо обученных, не учувствовавших раньше в настоящих боях горцев.

Если план Воина сорвётся, то потеря трона и в лучшем случае позорный плен ожидали Золтана. В этой безвыходной ситуации ему пришлось поставить на карту всё. Острые струи ветра резали глаза, впервые за много лет Золтан перемещался не как обычно в носилках или роскошном возке, а на неудобном седле, на спине боевого дракона. Личная охрана, возглавляемая преданным Ксандром, окружала его со всех сторон. Полёт был опасен, у Мигарда имелись огромные луки способные поражать драконов в полёте. Потому они и забрались так высоко. Холод и мрак окружали сотню драконов с всадниками стремительно мчащихся выше облаков. Как возницы находили направление в кромешной темноте, ведомо только

богам. Путь их подобный стреле вёл вперёд, к Барбусу. Всего тысяча ратников летела на помощь осаждённому граду. Но и это была солидная сила, способная удвоить число защитников.

Там позади в предгорьях уже шёл ожесточённый бой. Всё оставшиеся горцы прорывались на соединение с городской стражей и остатками армии закрепившейся в граде. Золтан не знал, что десяток, лично отобранных Воином бойцов, уже пленил Мигарда, и теперь отбиваясь от наседавших куявцев, уходит в леса, выдерживая направление на Барбус. Пленение тцаревича, и орудующая в стане полутысяча горцев посеяли панику. Оттого-то удар с гор оказался так страшен. Сметая выставленные на ночь посты, три с половиной тысячи горцев заставили рассеяться и бежать десятитысячную армию куявцев. Но праздновать победу, не было времени. Собрав оружие и самое ценное из добычи, горцы двинулись на град. К вечеру, сметая на своём пути не готовые к бою тылы второй куявской армии, они прорвались к граду и закрепились в нём.

Ещё раньше огромное полчище боевых драконов атаковало куявцев и, расчистив поле перед воротами, высадили подмогу защитникам. Только спустя сутки и первая, и остатки второй куявской, армий собрались у стен Барбуса. Силами и численностью она всё ещё превосходили войска

Барбусии, но боевой дух уже был сломлен.

Спустя неделю в решительном сражении недалеко от северных ворот в жестоком бою полегли почти все защитники Барбуса, но и от армии Куявии не осталось никого. Оставшиеся в живых вместе с мирными жителями ещё десять дней хоронили прямо на поле брани и своих, и чужих павших.

Воин получил несколько тяжких ран с том сражении, но выжил. О нем буквально слагали легенды. Вскоре после поминальной тризны. Золтан назначил его начальником городской стражи. Тогда-то уже при дворе Золтана он и повстречал Мару. Странное, непривычное дело, когда девушку назвали именем богини! Их любовь была тайной, дочь советника тцара не могла стать женой начальника стражи. Когда на свет появился их сын, его пришлось отдать кормилице. И вот спустя тринадцать лет Мары не стало, а Дулиус, все эти годы безуспешно пытавшийся добиться её любви отнял душу их сына.

Ковёр начал снижаться. Высокий, поросший у подножья лесом холм, вздымался над окрестностью. Огромный камень, освещаемый вспышками молний, покоился на его вершине. В углубление его и уложил Воин тело единственного сына. Развёл у ног его небольшой костёр и, защищая ещё несмелое пламя от дождя и ветра,

развернул свой выдавший виды плащ. Трилиус, взволнованный не меньше чем Воин, начал приготовление к обряду. В раскрытом навстречу грозовому небу золотом ковчеге, сиял нестерпимым первосветом крошечный осколок первойяца. Воздев над головой ковчег, маг начал читать заклинание его голос то взлетал к тучам, то падал к земле. Наконец, острый как стрела луч ударил вверх и, пронзив пространство, озарил окрест яростным светом творения. Лицо сына, доселе смертельно бледное, загорелось золотом. Воин, рванувшись вперёд, наклонился над ним, пристально вглядываясь в распахнувшиеся, наконец, глаза и отпрянул так же внезапно. Луч света, будто отразившись от невидимого зеркала, ударил в тело сына. Жар миллионов горнов отбросил воина прочь. Только Трилиус, с поднятым над головой ковчегом, в развевающемся плаще, остался неподалёку от сторающего в диком первозданном пламени тела...

Тьма обрушилась неожиданно. Костёр погас. Ни единого звука не доносилось вокруг. Воин пошевелился, шатаясь, поднялся на слабые, словно ватные, ноги. Ничего кроме крошечного мрака.

— Трилиус! — позвал он, не узнавая собственного голоса. — Трилиус!

— Я здесь Воин, — отозвался глухо, будто из

могилы маг. — Ты видел, какие силы бушевали?

— Где сын? — первым делом спросил Воин.

— Я ничего не вижу. Словно ослеп. Ты видишь меня? — слабым голосом сказал Трилиус.

— Нет, Темно. Я разведу огонь, — успокоил его Воин.

Двумя ударами высек искру, раздул небольшой огонёк, в его свете запалил заранее припасённый факел. Потрескивая, занялось пламя, озаря неясным светом Камень и сидящего подле него Трилиуса. Воин, подняв факел, шагнул к Камню. В ложбине среди разорванных клочьев полотна лежал сын, грудь его бурно вздымалась, но глаза оставались закрытыми.

— Стерх, ты слышишь меня? — позвал Воин, но сын не отвечал. Он протянул руку, чтобы тронуть сына за плечо, но подскочивший с необычайной прытью маг остановил его:

— Нельзя! Его нельзя трогать пока не взойдёт солнце, иначе Чернобог возымеет над ним свою власть. Нужно дождаться рассвета.

Внезапно земля ушла из-под ног. Грохот больно ударил по ушам. Воин даже покачнулся от неожиданности и в этот миг гора содрогнулась, стремительно оседая под собственной тяжестью. Непонятно откуда появившийся нестерпимо яркий серебряный шар повис над их головами. Воин

куда-то покатился, рядом с ним с грохотом пролетел ствол могучего дуба, вырванного с корнем неистовой силой, где-то истошно вопил от страха Трилиус. Наконец падение прекратилось, но невесть откуда взявшаяся вода, начала быстро заполнять огромную яму, в которой очутился Воин. Факел давно погас. Воин побежал куда-то в гору, вода преследовала его по пятам, бежать было трудно, ноги вязли в ставшей вдруг мягкой земле. Края огромной ямы местами были пологи, но иногда обрывались крутыми уступами, вода поднималась так быстро, что несколько раз едва не захлёстывала Воина с головой. Шар куда-то исчез. Стерх уходил от наводнения, не думая, стремясь только выбраться с проклятого места. Появившаяся, наконец, луна высветила пологий берег невдалеке. Воин устремился туда. Когда измученный он выбрался на сушу, подъём воды прекратился. В призрачном свете на месте недавнего леса простиралась водная гладь, то тут, то там на поверхности плавали огромные стволы, вздымающие к ночному небу искорёженные сучья. Гора с Камнем исчезла, лишь несколько небольших островов смутно виднелось вдали. Едва обретя надежду на спасение сына, он вновь потерял её.

Стас бежал сквозь лес, низко нависающие ветви деревьев хлестали по лицу, с разорванного

лба стекала струйка крови, засыхая корочкой на щеке. Дышалось с трудом, уже скоро полдень, а до берега он доплыл на рассвете. Выходит, бежит уже часов шесть, если не больше и за всё это время только звериные тропы и ни малейших признаков жилья. Дикое безлюдное место привело его в ужас. Но первое потрясение он испытал, когда осознал себя в другом теле. В голове тяжело ворочались каменные жернова. Что-то произошло, но осознать пока ничего не удавалось.

Очнулся он, едва первые лучи солнца коснулись обнажённого тела. Он лежал в ложбине того самого Камня. Только остров был совсем иным, крошечный, едва выступающий над водой. А вокруг огромное незнакомое озеро, и вырванные с корнем исполинские деревья, плавающие по нему. Там где только вчера он оставил машину, была вода, на многие километры. Непривычно далёкий берег и туманная кромка леса. От того привычного мира остался Камень. Даже его самого Стаса не было, вместо него на Камне лежал незнакомый подросток, высокий, крепкий, развитый, но ещё не оформившийся в мужчину. На лице не было даже юношеского пушка, не говоря уж об остальном. Одежды тоже не было, только куски незнакомого грубого полотна. Стыдливо обмотав бёдра импровизированной повязкой, Стас поплыл к далёкому берегу.

Произошло нечто непонятно не укладывающееся в сознание. Если это природный катаклизм, то где следы людей? Или же он и впрямь в загробном мире, но тогда почему не в своём теле? И отчего тогда такой лютый голод? Если это он Стас то ел последний раз он вчера, в обед, а это тело последний раз питалось когда? Судя по весьма неплохой физической форме, содержали его в нормальных условиях, мышцы развиты не по-детски, дыхание отработано. Но только что оно умеет это чужое, незнакомое тело?

От голода уже начинало подташнивать. Но что делать, если нет ни ножа, ни спичек? Ягод нет, толи ещё не появились, а может в этом мире их вовсе не бывает? Выломав на бегу подходящую палку, Стас помчался дальше, в надежде встретить доступную добычу. За то время пока он бежал по лесу, попадалось довольно много зверья. Кабаньи стада валялись в грязи, косули, вспугнутые им, стремительно уносились в чащу, несколько раз встречал исполинских лосей. Но все они были явно не по зубам. Был бы хотя бы лук и стрелы, но не из чего было сделать тетиву. Впрочем, змеи попадались достаточно часто и Стас решил рискнуть. Не останавливаясь, палкой он убил одну, для верности ещё размозжив ей голову о ствол дерева, спустя полчаса попала ещё одна. Теперь нужно было подумать о том, как их съесть.

Журчание ручейка подсказало решение. В неглубоком овражке он нашёл то, что искал. Несколько камней. Выбрав подходящие, после нескольких неудачных попыток расколол один, выбрав осколок поострее, принялся снимать со змей кожу. Отрубив головы, он осторожно миллиметр за миллиметром, стараясь не порвать, стягивал, словно скользкий чулок с окровавленного тельца змеи, чешуйчатую шкуру. Закончив, он прополоскал в ручье неожиданно тонкие кожаные чулочки. Понюхал ещё сочащиеся кровью тушки и осторожно попробовал укусить. Там в другой прошлой жизни ему уже приходилось есть змей, но то было в ресторане, изысканно приготовленных, а вот так сырыми оказалось страшновато. Но едва зубы рванули с хребта кровавое мясо, желудок радостно заплясал в нетерпении. Оказалось, ничего страшного, даже можно было и больше. Проглотив последний кусок, Стас умылся и, повязав непривычно длинные волосы змеиной кожей, побежал дальше. С голодом вопрос решён, пока есть змеи, жить можно, но где же люди? За весь день он не встретил ни малейших следов человека, только бесконечный хмурый лес, да звериные тропы.

К ночи, уставший, на дрожащих от напряжения ногах, Стас добрался до берега могучей реки. Неспешные волны катились перед ним. От

голода и усталости он опустился на траву. Нужно было хоть немного отдохнуть. Солнце уже опускалось за лес. Играющая рыба оставляла круги на воде. Из последних сил Стас поднялся и, прихватив дубину, вошёл в воду. Буквально из-под ног, стремительной пятнистой тенью, метнулась крупная щука. Он даже не успел среагировать, лишь зло ударил палкой по поверхности. Но рыба было и её много, это определённо радовало. Оставалось лишь поймать. Долго и безуспешно он колотил дубиной, устал ещё больше, но так и не сумел оглушить ни одной рыбины. Измученный он плюхнулся прямо в воду. Прямо у его ног, во взбаламученной воде, вились небольшие рыбки. Обидно было до слёз. От сознания собственного бессилия Стас схватил довольно крупный камень, лежащий под водой, и тут же выронил от неожиданности. Под пальцами шевельнулось упругое тельце рыбёшки. Оказалось всё очень просто. Осторожно приподнимаешь камень, просовываешь под него руку и хватаешь зазевавшегося небольшого голавчика. Чтобы наловить достаточно рыбы понадобилось совсем немного времени. Конечно, улов не радовал особо крупными размерами, самые большие рыбёшки размером с ладонь, но их было вполне достаточно, чтобы плотно поужинать.

Больше всего Стаса порадовало то

обстоятельство, что тело не только слушалось, и оказалось весьма выносливым, но и очень неприхотливым в еде. Сырые змеи и рыба не самая изысканная диета для современного человека, а здесь, ни малейших неприятных последствий.

Незадолго до того как темнота окутала берег, Стас соорудил в песчаной норе под обрывом гнездо из веток и, свернувшись калачиком, лёг спать. Усталость долгого перехода дала о себе знать почти сразу. Он будто провалился в сон. Станный, тревожный, непонятный.

Суровое мужское лицо склонилось над ним, длинные с проседью, цвета воронова крыла волосы касались груди, легонько щекоча. Твёрдые губы шевельнулись:

— Стерх, ты меня слышишь?

Он очень хотел ответить, но слова застряли в горле. Он помнил это лицо, давно, ещё в детстве, оно вот так же ночью наклонялось над ним, но в глазах тогда было не тревога и боль, а радость и гордость. Он помнил этот голос, низкий как призывный рёв боевой трубы, а ещё руки, сильные, твёрдые, мозолистые, отполированные рукоятью длинного меча и древком тяжёлой секиры. Эти руки подбрасывали его, совсем крохотного, высоко в небо, а голос грохотал:

— Ты Стерх! Ты не должен бояться полёта!

Твоя стихия небо!

Раз за разом его подбрасывали всё выше и выше. Он летел, опускался на могучие ладони и снова взмывал в воздух. А голос грохотал счастливым смехом.

Ещё вспомнилась женщина, в роскошном убранстве, в платье расшитом золотом и драгоценными камнями. Волосы цвета золота покрыты тонкой поволокой, огромные, синие как весеннее небо глаза смотрят на него. Голос нежный, словно журчание лесного ручейка. Ласковые руки, тонкие трепетные пальцы, что касаются его волос. Женщина вся такая нежная, красивая и постоянно улыбается, встречаясь с ним взглядом.

Ему, наверное, лет десять не больше, он бежит, задыхаясь. Тяжёлый мешок оттягивает плечи, больно бьёт по спине, рядом с ним легко бежит уже не молодой мужчина. Торопит, подгоняет, заставляет с мешком за плечами залезать на дерево, перепрыгивать через глубокие ямы...

Твёрдая как камень утоптанная земля. Высокие бревенчатые стены вокруг. Очень далеко висит щит с белым, нарисованным известью, кругом. Стрелы всё время недолетают, с сухим стуком падают на землю. Едва преодолев половину расстояния до щита. Толстая кожаная рукавичка на левой руке уже измочалена, взмокла от крови. Тетива постоянно с силой бьёт по одному и тому же

месту. Слёзы застилают глаза...

Кони мчатся во весь опор. Встречный ветер рвёт губы, не даёт вздохнуть полной грудью. Весело, радостный крик сам рвётся из груди. На лесной поляне сильный мужчина прямо с седла прыгает на спину огромному дикому кабану, сверкает острый клинок, истошное верещание смертельно раненного вепря. Костёр, большущие ломти зажаренной на камнях кабанины, сладкий мясной сок, обжигающе-вкусный, дурманящий. Шум ветра. Пропахшая крепким конским потом попона. Руки отца заботливо укрывающие его плащом...

Бледное, будто вылепленное из воска, лицо матери. Невероятно красивое, но уже безжизненное. Тяжёлая рука на плече. Горечь утраты. Нестерпимая обжигающая боль, словно в сердце вонзили раскалённую иглу...

Стас невольно вздрогнул, прижал руку к груди. Боль исчезла. Небо уже утратило темноту, звёзды поблекли, легкий невесомый туман, струился над водой. Ничего не изменилось, тоже тело крепкого подростка, всё тоже ложе из наломанных вчера веток, только добавились ещё незнакомые, чужие воспоминания. Решив ещё вчера, когда переплыл озеро, двигаться на юг Стас не стал менять своего решения. Река даже такая широкая — не преграда. Вода, не остывшая за ночь,

приняла его. Ближе к середине, сильное течение начало значительно сносить его, но, справедливо рассудив, он не стал с ним бороться, а просто двигался с рекой, понемногу продвигаясь к противоположному берегу. Выбравшись из воды, он, так же как и вчера наловил рыбы, плотно перекусил и ровно побежал дальше.

Лес не кончался, старый дремучий, с завалами вековых деревьев с редкими полянами на которых буйно цвела земляника. Местность заметно повышалась, всё чаще встречались высокие безлесные холмы, в глубоких долинах между ними поблёскивали небольшие озера.

Забыв про усталость, пот стекающий со лба, Стас бежал, огибая низины, стараясь не спускаться в них, чтобы не взбираться после на крутые склоны. Солнце неумолимо приближалось к зениту, а лес всё не кончался. Ни единого человеческого следа, лишь непуганые звери настороженно наблюдали из зарослей за бегущим. Когда голод начал донимать Стаса совсем сильно, он убил палкой ещё несколько змей и, не останавливаясь, на бегу съел их. К ночи он достиг не слишком широкой, но достаточно глубокой реки. О том, чтобы наловить под камнями рыбы не могло идти и речи, берег уходил под воду круто, и глубина оказалась такой, что шагнувший было в реку Стас, сразу же скрылся с головой. Оставалось одно, ловить лягушек, благо их скакало

по невысокой траве в изобилии. Кое-как утолив мучавший его голод, Стас забрался на раскидистый вековой дуб и, устроившись в развилке, задремал.

Ночной неприветливый лес шумел вокруг, где-то раздавался не то вой, не то рык. Гулко ухал филин. Неясное беспокойство, отступившее днём вновь потихоньку начало терзать сознание. Стас не мог понять, что же произошло, почему нет людей, и что это за проклятое место, куда его занесло неведомой силой. Почему он вдруг оказался в теле подростка.

Солнце ещё не поднялось, а Стас уже бежал вдоль реки всё дальше на юг. Увидев, наконец, относительно пологий противоположный берег он переплыл на другую сторону. Почему он выбрал направление на юг, Стас не мог себе объяснить, но что-то заставляло его двигаться в этом направлении. Постоянно немного забирая на запад, к концу дня он достиг берега большого озера. Сюда его вывела тропа. Сначала, когда он наткнулся на неё, сердце радостно забило в груди. Широкая, утоптанная полоска земли, причудливо петляя между вековыми соснами, уходила куда-то в низину. Стас не поверил собственным глазам, местами, на влажной земле, виднелись неясные отпечатки босых ног. Опрометью он бросился по тропе, лишь со временем он понял, что присутствием человека здесь и не пахнет, а следы,

скорее всего, медвежьи. Недалеко от озера он наткнулся на тушу недавно убитого огромного оленя. Вероятно, олень погиб защищая свой гарем, вступив в неравную схватку с медведем. Отогнав несколько лисиц уже лакомившихся развороченными внутренностями, Стас принялся разделять то, что осталось от некогда могучего зверя.

Осколки камней вполне исправно служили вместо ножа. Хотя кожа и подавалась туго, но тем не менее, удавалось отсекалть вполне солидные куски свежего ещё не успевшего застыть оленьего мяса. Добыть бы огонь, да к несчастью ничего подходящего нет под руками.

Ничего, что-то подсказывало, что в любом случае необходимо наесться до отвала и забрать с собой, сколько можно унести. Стас решил так и поступить. Ел сырое мясо, едва не давился, но старался запастись наперёд. Когда уже больше не лезло, принялся голыми руками сдирать кожу с оленя. Зверь оказался не только огромным, но и невероятно тяжёлым. С огромным трудом юноше удалось перевернуть неподъёмную тушу. Принялся подрезать туго натянутую шкуру острым осколком камня, придерживать зубами кровоточащую кожу. Сжимать зубы приходилось с такой силой, что слёзы выступили на глазах. Когда же, наконец, удалось оттащить в сторону вырезанный кусок,

Стас обессилено рухнул на землю. Только отлежавшись, смог подняться и подчиняясь неведомому инстинкту, принялся кроить из огромного пласта нечто непонятное. Когда он закончил работу, то с удовольствием отметил, что меховая накидка и надёжный мешок, получились отменно. Теперь можно и запастись мясом. Нарезав ломтей помягче, Стас загрузил мешок, натянул через голову накидку, опоясался вырезанной кожаной полосой и двинулся дальше. Сумерки в лесу приходят быстро. Вскоре и хозяин туши мог появиться. Не бросит же он свою добычу!

Выбравшись из низины, Стас скорым шагом направился дальше. Не может же быть, что он единственный человек в этих бесконечных лесах. Он свято верил, что где-то есть люди.

С каждым часом становилось всё темнее. Тени уже сливались в плотную непроницаемую тьму. Пора устраиваться на ночлег. На беду ни одного подходящего дерева поблизости не оказалось, зато под огромным выворотнем образовалась вполне уютная яма. Расчистив место, Стас сунул под голову мешок с припасами и уснул. Сон тревожный, чуткий овладел им. На этот раз сновидений не было, зато много раз новое неведомое чувство заставляло его просыпаться и прислушиваться к ночным лесным звукам. Лес продолжал жить собственной дикой жизнью,

совершенно не обращая внимания на то обстоятельство, что в его недрах появилось чужое человеческое существо.

Воин помнил направление в котором они летели с Трилиусом, но теперь, без коня преодолеть это расстояние оказалось весьма не просто. Какие силы вызвали они? Какую мощь, что от горы ничего не осталось? Да ничего не скажешь, сильны были первобоги!

Потеря единственного сына потрясла его, стоит ли возвращаться обратно в опустевший дом? С тех пор как Стерх возглавил армию, никто не смел нападать на маленькую страну. Ни славы, ни артанцы больше не беспокоили их. Даже кюявы заключили с Барбусией вечный мир. Но теперь Воина жизнь страны уже не волновала.

Поправив перевязь, Воин лопатками поудобнее разместил на спине длинный тяжёлый меч и привычным, размеренным шагом поспешил на полдень. Добираться придётся не меньше луны, если повезёт. Здесь, в Славии никто не может быть уверен ни во времени, ни в расстоянии. Весь день, где шагом, где бегом, Воин двигался к Эридану. Только к вечеру, когда солнечный диск уже почти скрылся за лесом, он выбрался на берег реки. Срубив мечём несколько молодых деревьев, Стерх соорудил шалаш, накопил немного съедобных

кореньев и наскоро перекусив, уснул.

Ему снилась жена Мара. Такая же молодая и прекрасная как в тот день, когда он впервые увидел её. Она коснулась его лица нежной рукой и очень тихо, почти неслышно сказала:

— Не печалься любимый. Ты не один. Наш сын станет великим воином. Он продолжит твоё дело. Ты только верь и поступай всегда так, чтобы после не стыдиться сделанного. Иди, не останавливаясь на своём пути. Какие бы преграды не вставали пред тобой, ты доберёшься до цели. Только верь! Наш сын... он сам со временем придёт к тебе. Я буду рядом...

— Но Мара! Я не смог спасти сына! Мне стыдно, что я не сделал всего, что должен был! — вскричал Воин, вскакивая на ноги.

Легкий туман стелился над широкой рекой. Жены нигде не было. Лишь небо уверенно светлело на восходе. Опустив плечи, Стерх двинулся вниз по берегу. Отыскав принесённое водой дерево, оттолкнул его на стремнину и, уцепившись за толстые сучья, поплыл вниз по реке. Стараясь держаться ближе к главной струе, он поглядывал на быстро несущиеся мимо берега. Дикий непроходимый лес высился на высоких обрывах. Не единого признака присутствия человека. Впрочем, оно и не удивительно. Славы предпочитают селиться на малых реках, среди дремучей чащи.

Холод понемногу пробирался всё глубже в тело. Чтобы не дать застыть мышцам окончательно, Стерх сильно заработал ногами, выталкивая непослушное дерево на течение. Неясный глухой шум вскоре привлёк его внимание. Гул нарастал, становился всё сильнее. Подтянувшись на руках, Стерх привстал и к ужасу увидел впереди высокие столбы водной взвеси. Пороги! Вот только этого ему сейчас и не хватало. Изо всех сил он начал направлять упрямую корягу к левому берегу. Разбиться и утонуть, совершенно не входило в его планы. Да ещё и сон не давал покоя. Что значили слова Мары, о том что он встретит сына? Если каким-то чудом младший, последний из Стерхов жив, то и он должен передать ему всё то, что принял от своего рода.

Порог был уже совсем рядом, когда ноги Воина коснулись дна. Выпустив из рук мокрые сучья, он, преодолевая мощный напор реки, пошёл к близкому берегу.

Рухнув на камни, Стерх немного пришёл в себя. За спиной ревела дикая, неукротимая вода. Срываясь с высокой каменной гряды, она обрушивалась сверкающей стеной и мельчайшими брызгами взмывала ввысь, искрясь нетерпимым светом в лучах, уже поднявшегося довольно высоко, солнца.

Переведя дух, Воин вскарабкался на высокий

обрыв и, последний раз взглянув на кипящую реку, углубился в лес. Теперь его путь лежал к Данапру. Скинув мокрые, пропитавшиеся водой, сапоги, он сбросил с себя всё лишнее, увязал в плотный узел, одежду, кожаный доспех, взял в руку меч и побежал, как не бегал уже много лет. Тело быстро приоровилось к такому движению. Дыхание стало ровным и глубоким. Босые ноги равномерно и мягко опускались на усыпанную опавшей хвоей землю, легко перепрыгивали через коряги и валежины. Путь предстоял не близкий и потому Стерх старался не бежать в полную силу. В его роду, так бегали все мужчины. Прирождённые охотники, они умели догонять в лесу оленя, а высшим мастерством считалось даже не просто нагнать, а, бесшумно подбежав, вскочить одним махом на спину перерезать тому горло, сидя верхом на обезумевшем от страха животном.

Воспоминание о юности невольно наполнило рот слюной. Стерх только помотал головой. Не было времени останавливаться, отвлекаться на охоту. Необходимо ещё до ночи добраться до Данапра. А там если повезёт, удастся сесть на округ^б или ладью, что снуют по реке.

Лес тянулся вокруг, угрюмый, дикий, лишь

^б Небольшой корабль-однодревка

звериные тропы изредка уходили в низину, очевидно к водопоям. Стерх бежал всё дальше, уверенно находя нужное направление. Когда солнце добралось до зенита, он решил ненадолго остановиться. Необходимо было, и подкрепиться, и дать немного отдыха натруженным ногам. Без особого труда Стерх нашёл несколько гнёзд, забрал из них все яйца и, прислонившись спиной к шершавому стволу огромного дуба, выпил их. Немного посидев неподвижно, он решительно вскочил на ноги, подхватил узел с одеждой и доспехом, меч и двинулся дальше на полдень, понемногу увеличивая скорость.

Солнце склонялось над лесом, когда Воин, преодолев очередной холм, увидел блеснувшую впереди широкую реку. Остановившись на круче, он постоял недолго, прикидывая, где лучше перехватить купцов и двинулся вниз. На едва различимой из-за расстояния поляне на берегу, виднелись следы большого кострища. По-видимому, там причаливали на ночлег не раз и не два. К заветной поляне и направился Воин.

Он не ошибся, не только кострище, но и спрятанный среди зарослей, срубленный из вековых деревьев крепкий лабаз. Не сомневаясь в своих правах, Воин выбил кол, которым была заперта могучая, толстенная дверь и заглянул внутрь. Да, это было именно то, что нужно! Мешки с зерном

высились до самой крыши, бочки с солониной громоздились друг на друга у стены. Такие запасы купцы не бросят! Воин вышел наружу. Темнело. Самое время закусить и отдохнуть.

Солнце ещё не тронуло светом верхушки сосен, а Стерх уже был на ногах. Чтобы не терять времени даром, подкрепил кое-где лабаз, подготовил пару длинных ошкуренных брёвен, чтобы удобнее было катать бочки, и принялся ждать. Зоркие глаза Стерха уже давно приметили, качающуюся на ветвях ивы, берегиню⁷. Иногда его ушей достигал негромкий чарующий смех. Но ведь берегини не смеются! Осторожно, стараясь сделать это незаметно, Стерх повернул голову. Что-то неясное блеснуло в воде. Скосив глаза он, наконец, рассмотрел неслышно плещущихся русалок. Они-то и смеялись. Теперь главное, не смотреть на них! Иначе... ни один мужчина не сможет устоять перед их чарами. Стоит только на миг поддаться соблазну, и завлекут в воду, защекочут, заласкают, и пропал человек. Останется навсегда в призрачном мире подводных грёз. С усилием Стерх повернулся к берегине. Она по-прежнему раскачивалась на ветвях, строго и в то же время по матерински нежно смотрела на него. В её взгляде чувствовалась

⁷ Берегини — духи, помощницы богини Макош.

спасительная забота и понимание. Жаль, что заговорить она ни сможет, вдруг подсказала бы ему, что делать, так поступить сейчас. Ради спасения сына он обратился к Трилиусу и теперь, потеряв и сына, и колдуна, впору задуматься о том стоит ли жить дальше. Но берегиня молчала. Воин задумчиво принялся править и без того острый меч. Конечно, в таком квесте секира сподручнее, да и привычнее, но как говорится, положение обязывает. Время от времени пробуя остроту клинка крепким, толстым ногтем Стерх без устали водил и водил по кромке камнем, с каждым движением отгоняя сумрачные мысли.

Ещё в предрассветных сумерках, Стас, плотно закусив олениной, забросил на плечо мешок, побежал дальше. Взгорки сменялись ложбинами, ручьи и небольшие речушки преграждали путь, глубокие озёра изредка виднелись в просветах между вековыми деревьями. Он уходил всё дальше от того места где появился в этом неприветливом мире. Местность понемногу поднималась, местами даже холмы слагались из осыпавшегося древнего камня. Упрямые сосны, цепляясь оголёнными камнями за неподатливую каменистую почву, всё так же возносили ввысь стройные стволы и лишь слегка колыхались под ласковым ветерком, так не вязавшимся с суровой природой.

Стас вскарабкался на очередную гору. Непролазный, дремучий лес остался далеко внизу. Верхушки сосен покачивались слегка бугристым, почти непрерывным ковром. Но это с севера и востока, а вот с юга надвигалась почти непрерывная горная цепь. Вершины голые, безлесные, какие-то серо-бурые, простирались куда ни глянь. А над ними парили неведомые птицы. Хотя нет, не птицы. Слишком странными оказались эти твари. Какие-то изломанные, непривычного вида крылья, поддерживали в почти неподвижном воздухе массивные неуклюжие тела. Стас с ужасом сообразил — драконы! Именно такими их описывал ему когда-то учитель! У него был учитель? Получается что да! Вот только когда это было?

Одно из чудовищ неторопливо развернулось и, удерживаясь в восходящем потоке, направилось в сторону Стаса. Медлить было нельзя! Слишком непредсказуемы эти твари. Иногда они нападают даже на людей. В особенности, когда те вторгаются в места обитания драконов. Стоящему на голой вершине горы Стасу спрятаться попросту негде. Бежать? Вот только куда? Назад? Склон, по которому он взбирался, не слишком крутой, но и места для того чтобы укрыться там нет. Тогда вперёд, в неизвестность. Хотя бы вон тот козырёк, под ним вполне возможно есть или грот, а может быть даже неглубокая пещера.

Стас поудобнее перехватил самодельный мешок и бросился вниз по склону. Камни сыпались из-под ног. Приходилось цепляться руками за выступы. Мешок сползал, норовил сбросить вниз, его приходилось постоянно поправлять. С каждым шагом спускаться приходилось всё медленнее, склон уходил вниз всё круче. А скальный козырёк никак не становился ближе. В конце — концов Стас просто повис на кончиках пальцев. Опоры для ног уже не было. Неясно откуда взявшийся порыв ветра едва не сбросил Стаса вниз. Скопив глаза, юноша с ужасом увидел совсем рядом промелькнувшее кожистое крыло. Дракон! Раскачавшись на руках, Стас прыгнул на узкую площадку, что находилась правее и ниже. Чуда не произошло. Сильно ударившись грудью о камни, Стас заскользил вниз по осыпи. Зацепиться было просто не за что. Рефлекторно раскинув ноги, он старался хоть как-то замедлить падение. Осыпь неслась вместе с ним. Камни перекатывались словно жернова, подпрыгивали, ударяясь друг о друга, норовили ударить Стаса побольнее. Ни защититься от них, ни укрыться, не было ни малейшей возможности. Что задержало безостановочное скольжение в бездну, Стас так и не понял. Как только удалось замедлиться, над головой скользнула бесконечно огромная тень. Дракон настигал! Скользя и шатаясь от усталости и пережитого страха, юноша вскочил

на ноги и бросился в сторону. Осыпь закончилась буквально через несколько шагов. Очутившись на относительно надёжной площадке, Стас судорожно оглянулся. Дракон, завалившись на левое крыло, круто разворачивался. Прямо впереди виднелась тёмная дыра в почти отвесной скальной стене. Юноша бросился к спасительному укрытию.

Он едва успел нырнуть под нависающий камень, как на площадку, шумно дыша, опустилась ужасная тварь. Громко втягивая воздух, дракон повёл уродливой головой и, медленно передвигая чудовищными лапами, двинулся к гроту. Раздался скрежет и камни с грохотом посыпались вниз. Дракон пытался добраться до Стаса. Когтистой лапой он пытался выковырять человека из каменной норы. Юноша пятился назад, пока не упёрся спиной в камень. Дальше отступать было некуда. Дракон ожесточённо, но совершенно безуспешно пытался расширить нору. Стас уже устал дрожать и, развязав мешок, принялся рвать зубами оленину. Насытившись, он свернулся калачиком и уснул.

Он проснулся от неясного движения поблизости. Встрепенулся, но в ту же секунду что-то острое и холодное уткнулось в горло. В небольшой пещере, кроме Стаса были ещё люди! В темноте ориентироваться оказалось намного труднее, чем парень ожидал. Он не мог вспомнить

ни объёмов пещеры, ни собственного положения в ней. Едва Стас попробовал пошевелиться, как остриё оружия, а в том, что в горло упиралось именно оружие, сомневаться не приходилось, распороло кожу, и тонкая струйка горячей крови потекла по напряжённой шее. Пугающая тишина окружала распростёртого на камнях Стаса. Ни единого звука не достигало его ушей. Чья-то сильная рука, сжала плечо Стаса. Наконец, в тишине прозвучал чужой гортанный голос. Слов Стаса не понял, да разобрать что-либо в неясном рокоте, больше всего напоминающем грохот катящихся камней, было просто невозможно.

— Я не понимаю! — сказал Стас и сам не узнал не только собственного голоса, но и речи. Невольно он произнёс эти слова на чужом языке, который к удивлению понимал.

— Ты другой! — ответил ему неизвестный, но теперь на понятном языке. — Вставай!

Остриё отодвинулось от горла, и Стас осторожно начал подниматься. Приложившись крепенько головой о низкий каменный свод, юноша замер, согнувшись, но его руки уже заломленные за спину, жестоко скрутили шершавой верёвкой. Грубые руки развернули парня к выходу из пещеры и, покалывая оружием в спину, заставили двигаться вперёд. Головой Стас ударился ещё не раз, прежде чем, опустившись на корточки, не выбрался на

свежий воздух. Ночь, тёмная безлунная скрывала окружающие горы. Только звёзды холодно сияли в чёрном небе. Дракона не было. Только слабый звериный запах говорил о том, что чудовище было на этом месте. Неясные силуэты людей, если захвативших его можно назвать людьми, ибо самые рослые из них едва доходили до груди обычного человека, окружали Стаса со всех сторон.

— Иди! — пророкотал всё тот же голос.

Окружённый частоколом копий, Стас двинулся дальше. Идти пришлось довольно долго, пока юноша не почувствовал, что уже какое-то время не шагают по достаточно широкому туннелю. Звук его шагов отражался от невидимых стен и эхом возвращался обратно. Наконец, впереди забрезжил слабый едва различимый свет. Теперь представилась возможность хоть немного рассмотреть незнакомцев. Низкие, широкие, с неестественно длинными мускулистыми руками, он походили на пародию на обычного человека. Их крупные головы, заросшие до самых глаз дикими чуть ли не до колен бородами, казались слишком большими в сравнении с коренастыми широкогрудыми телами и несоразмерно короткими и кривыми ногами.

Зал просторный, высокий. Скупо освещённый странными светильниками, вбитыми в испещренную трещинами каменную стену. Что

подказало Стасу, что это гномы, причём именно горный он так и не понял, по-видимому, что-то и другой жизни. Гномов оказалось не просто много, очень много! Они заполнили всё свободное пространство. Невысокие, но удивительно сильные, они представляли серьёзную угрозу. Что только не рассказывали долгими зимними вечерами, об этих существах! И то, что они знают все клады на земле, что прорыли своими норами все горы на свете и теперь горы пронизаны их тайными ходами словно сыр. Говорили, что гномы не терпят чужаков и всякого кто попадает к ним, съедают. А ещё поговаривали, что все они колдуны и знают тайны металла. Именно горные гномы в давние времена научились делать загадочную чёрную бронзу, что крепче любого железного меча, и разрубает кованый доспех, словно лист лопуха. Сердце юноши сжалось от тяжкого предчувствия. Уж лучше было бы погибнуть в пасти дракона, чем быть съеденным, этими полулюдьми.

По залу пронёсся ропот. Но идущий впереди гном поднял руку и прорычал:

— Пусть Триглава рассудит!

Воин поправил перевязь, проверил, удобно ли размещена рукоять длинного меча над плечом. Он не скрывался. Отчетливо видел, приближающийся драккар и понимал, его тоже заметили и

изготовились к бою. Паруса на драккаре ⁸ свёрнуты, идут на вёслах. На носу, рядом с изогнутой шеей дракона, собрались несколько воинов. Среди них выделялся и ростом, и мощью ярл. Рогатый шлем в руке. Волчья безрукавка не прикрывает широченную, поросшую седой шерстью грудь. Хоть и оброс с годами дурным мясом, всё равно видна стать и сила. Меньше полёта стрелы разделяло их, но Воин как стоял на берегу, широко расставив крепкие ноги, так и не сдвинулся с места. Да и зачем?! Причалит драккар, тогда и решится дальнейшая судьба. Не случайно же его любимую жену звали Марой!

Заскрипел песок под днищем. Воины привычно спрыгнули на берег и замерли как изваяния. Глаза злые, настороженные, внимательно осматривают окрест, не притаилась ли в зарослях ивняка засада? Ярл⁹ спрыгнул последним. Гребцы тут же опустили тяжёлые вёсла и схватили секиры. В отличие от галер, что сновали по южным морям,

⁸ Драккар — небольшой корабль с прямым парусным вооружением и вёслами. Благодаря малой осадке способен подходить вплотную к берегу и плавать по мелководным рекам. Широко использовался на Балтике.

⁹ Ярл — походный вождь, военначальник

северяне не тратились на гребцов. К чему?! Ведь воин вполне способен и вёслами орудовать и боевым топором.

— Здрав будь Воин! — Поднял руку в приветствии ярл.

— И тебе пусть благоволит Прове¹⁰! — ответил Стерх.

— Слава Свентовиту¹¹! Я узнал тебя Воин! Ты почти не изменился с тех пор, как я повстречал тебя на пути к Мировому дереву! Неужто Числобог не властен над тобой?

— Все мы дети Рода! Я помню тебя Рогост. Ты возмужал. Стал ярлом? — уточнил Стерх.

— Уже девятая весна пошла, как я вожу дружину! — довольно заметил Рогост.

— Далеко ли на этот раз держишь путь? — спросил Стерх.

— Идём к Понту. Везём дары обрам¹².

¹⁰ Прове или Проно — бог пророчеств

¹¹ Свентовит — особо почитаемый балтийскими и вообще западными славянами бог богов. Свентовит дарует победу в войнах и несет меч, копьё, знамя, боевые знаки, включая орла. Цвет Свентовита красный.

¹² Обры — кочевое племя.

— Разве руяне ¹³ платят дань обрам? — удивился Стерх.

— Дело не в дани! — раздражённо воскликнул Рогост. — Конунг решил взять в жёны Мирину Галлилейскую. Вот я и должен доставить её в Аркону.

— Понятно! У тебя найдётся место на драккаре? Хочу отправиться с тобой в квест.

— Если не забыл, как держать весло, то с радостью возьму тебя. Меч в пути не бывает лишим! — с радостью согласился Рогост.

Полдня руяне грузили драккар. Катали бочки, таскали тюки. Дары обещали быть богатыми. Воин работал вместе с простыми гребцами. Тяжкий труд отвлекал от печальных дум. Судя по всему, Рогост спешил, потому и трапезничать сели только на борту отчалившего корабля. Поднявшийся ветер надул прямой парус, и только кормчий остался не удел. Стоял у рулевого весла, в ожидании, когда его сменят. Жареная кабанина и добрый ол¹⁴, что ещё нужно настоящим мужчинам?! Течение подгоняло корабль. Берег стремительно проносился мимо,

¹³ Руяне — жители острова Руян, он же Буян, столица город-храм Аркона

¹⁴ Ол — напиток из солода — род пива.

унося Воина всё дальше от негостеприимной Славии.

Они сидели бок о бок. Седой Рогост и по-прежнему крепкий и могучий Стерх. Отсекая от окорока здоровенные куски мяса и запивая его водопадами доброго пива. Рогост искоса поглядывал на Воина и наконец, не удержавшись, спросил:

— Скажи Воин, разве годы не властны над тобой? Двадцать вёсен назад ты был таким же зрелым мужем. Я стал стар. Это уже, наверное, мой последний квест, а ты совсем не изменился!

Стерх пожал плечами. Отхлебнул из баклаги. Задумчиво посмотрел в синее небо. Уголки его губ поползли вниз. Что он мог ответить Рогосту? Сказать, что прожил уже не одну человеческую жизнь? Что помнит ещё те времена, когда первые люди вышли из Светлолесья? Что сам не раз встречался с легендарным Ольгом? Никто не поверит ему, а если и поверит, то примет за колдуна. Оно ему надо?! К колдуну у простого воина отношение особое. Любой постарается снести ему голову, как только подвернётся возможность. Слишком много непонятого и злого натерпелись они от колдовства. Стерх и сам был когда-то таким, простым. Лишь взматерев, и не раз повстречавшись с Ольгом, он кое-что понял. Нельзя путать обычного колдуна и мага! И те и другие

смертны, но деревенский колдун способен разве что вызвать грозу, обратившись к Позвизду¹⁵. Да ещё, пожалуй, накликать беду с помощью Хворста¹⁶. Вот и вся их сила! Тот же Трилиус уже вышел из простых колдунов, но настоящим магом так и не стал. Брат же его Дулиус, так и остался злобным колдуном. Маги же, настоящие, великие — правят миром, сталкивают целые народы. Иногда, кажется, избавься от них и воцарит мир и покой, но сами люди в жадности и злобе ещё долго не перестанут убивать себе подобных.

— Что ты молчишь? Я задал тебе вопрос! У меня сын — старше тебя! — продолжал наседать порядком охмелевший Рогост.

— Давай друже, лучше выпьем за твоего сына, пусть сопровождает его Руевит¹⁷! —

¹⁵ Позвизд — почитаемый славянами бог ветра и бурного ненастья. Повелитель ветров, Позвизд, живет далеко на севере. Он пролетает над полями и лесами в широком развивающемся плаще.

¹⁶ Хворст — бог хворей и старческих немощей, вечно недобрый из-за того, что обойдён вниманием молодости.

¹⁷ Руевит — воинственный бог прибалтийских славян. Его дубовый идол имеет семь ликов, один меч держит в руке, а семь за поясом.

предложил Стерх.

— Поздно пить во здравие Уорига! Магура¹⁸ уже поцеловала его. Мой сын вознёсся в Вирий! Две весны уж прошло, как в бою с сколотами вражий меч рассёк его сердце! — прорычал Рогост, но потянулся к баклаге. Отхлебнул добрый глоток, поднялся и, пошатываясь, направился на корму, сменить рулевого.

Стерх сдвинулся в тень паруса и, прислонившись к борту, увешанному боевыми щитами, принялся смотреть на далёкий берег. Потеряв сына, он решил не возвращаться в Барбус. Ничто больше не держало его там. Нет жены, нет семьи, а почёт и слава его уже давно не волновали. Уж лучше сложить голову в квесте, чем дожидаться пока кто-то из придворных его попытается отравить. Завистников всегда много, даже если ты всего лишь командуешь армией. А дело шло к тому, что теперь почти наверняка, кто-нибудь попытается расчистить дорогу если не сыну, то племяннику. Нет, Стерх не боялся смерти, но совершенно разные вещи, смерть в бою и от яда. А среди придворных так уж было заведено — травить противников.

¹⁸ Магура — крылатая воительница, летающая среди тумана над полями сражений. Падшим она дарует поцелуй и глоток живой воды, прежде чем души их попадут в Вирий.

Встреча с Рогостом не была слишком приятной. Кому охота так выделяться! А Рогост хоть и не проговорился пока своим соплеменникам о странностях Стерха, но вполне мог это сделать. Оставалось лишь надеяться на благоразумие старого ярла. В квесте действительно лишний меч не в тягость. Вопрос лишь в том, как он поведёт себя на Опалённом Стане!?

Стас стоял коленопреклонённый перед старухой, восседавшей на древнем троне. Откуда он взялся в глубокой пещере, да к тому же такой огромный, что было не понятно, как она туда взобралась! Даже ему Стасу такой трон явно был велик. Для какого великана он был сделан? Тем не менее, старуха, не отличавшаяся от остальных гномов ростом, чувствовала себя на нём более чем уверенно. В этой пещере с других чудес оказалось предостаточно, невиданные доспехи, огромные двуручные мечи. Поразительные, составные, собранные из рогов каких-то неведомых животных, луки в рост человека. Железные, покрытые позолотой, шлемы, больше по размерам походившие на вёдра. На какую только голову они могли быть одеты? Но и это было не всё. На стене висело нечто, более всего походившее на автоматическую винтовку. Стасу пришлось здорово поднапрячься, чтобы вспомнить, что значит

автоматическая винтовка. Если само название пришло как-то сразу, то устройство и назначение он осознал немного погодя, будто вспоминая что-то давно забытое!

— Кто ты пришедший из Леса? — прогремел необычайно громко голос старухи.

— Я Стерх! — почему-то ответил Стас и сам удивился новому имени и тут же добавил — Ищу своё племя!

— Что привело тебя в горы, смертный? — прогремела старуха.

— Волею Стрибога¹⁹ я оказался далеко от своей земли и теперь пытаюсь вернуть в родные леса! — сказал Стас. Почему сослался на бога воздушной стихии, он сам не понял. Наверное, только потому, что до сих пор не мог понять, что же занесло его на дивный остров к огромному камню. Не мог же он там появиться на свет, в таком случае рядом должны были оказаться если не мать то, по крайней мере, Дидилия, богиня, помогающая в рождении всего живого!

— Если ты вышел из Леса, то откуда знаешь, как укрыться от дракона? — смягчившись, спросила старуха.

¹⁹ Стрибог — владыка ветров, он пускает их стрелами с моря.

Стас только пожал плечами.

— У тебя в мешке сладкое мясо оленя. Ты сам добыл его?

— Нет. Нашёл свежезадранного. Его убил медведь, а не я. У меня не было ни лука, ни стрел.

— Я верю тебе. Ты говоришь правду. Но всё равно я не вижу твоего пути! Ты похож на Стерха. Но почему тогда Лес ещё не принял тебя? Разве ты не знаешь Пути?

Стас удивлённо поднял глаза на старуху. Какое-то неясное воспоминание, пришедшее из такой глубины, что и осознать невозможно, встрепенулось и снова спряталось куда-то. Старуха напряжённо вглядывалась в юношу, читая в нём нечто такое, что позволяло понять.

— Ты Стерх! Но ты другой! — воскликнула она. — Ты знаешь совсем иной мир! Что такое прога? Я не понимаю слова комп! Джип — это колесница?

— Мне трудно объяснить. Я сам будто впервые слышу эти слова! — глухо ответил Стас.

— Мне трудно судить тебя. Мне многое интересно, но оставить тебя среди моих людей я не могу. Ты можешь быть очень полезен, но в тоже время слишком опасен. Тебе же лучше уйти! На рассвете драконы, охраняющие горы, спят. Они не могут летать холодным утром. Если ты, Незнающийпути, уйдёшь с рассветом, возможно,

сможешь пересечь если не все горы, то хотя бы часть. Тебе соберут в дорогу и горного мёда, и оружие. Надеюсь, ты умеешь пользоваться секирой и луком. Вижу, что луком ты владеешь лучше моих воинов.

— Я могу оставить Кродо, богу жертвоприношений, только свою одежду! — задумчиво сказал Стас.

— Ему будет достаточно и этого. Тебе подберут и штаны и рубаху. Иди, ты должен отдохнуть перед походом. Мы ничем не сможем тебе помочь. Опасайся драконов. Когда Хорст²⁰ засияет в полную силу, они вылетят на охоту! — сказала напоследок старуха.

Стас вышел перед самым рассветом. Горы тонули во мраке. Если бы не подарок от гномов, то, пожалуй, он и шагу бы не мог ступить. Тонкая чёрная пластинка, из неизвестного материала, умело закреплённая на бронзовом обруче прямо перед глазами, позволяла видеть почти как днём. Разве что в призрачном, чёрно-зелёном цвете. Картинка хоть и неестественна, но вполне чёткая, позволяла бежать уверенно и достаточно быстро.

Как странно назвала его старуха-жрица, Незнающийпути! А ведь это верно. Стас не мог

²⁰ Хорст — бог солнца.

избавиться от чувства, что есть какой-то иной путь. И если шагнуть на него, то он попадёт к своим уже сегодня. Нужно только добраться до Леса. А там... Вот только что нужно сделать он никак не мог вспомнить. Ноги, обутые в крепкие кожаные сапоги, на толстой двойной подошве, упруго ступали по острым камням. Кожаная тонко выделанная рубаха приятно облегла налитые плечи и сильную не по-мальчишески широкую грудь. Вот только штаны оказались хоть и впору, но на удивление коротки. Ничего не поделаешь, гномы похожи на обычных людей только выше пояса.

Долина распахнулась сразу за перевалом. Широкая, лесистая, с тонкой змейкой реки причудливо вьющейся среди одиночных скал. Солнце в тот же миг выскользнуло из-за горной гряды и за несколько минут залило окрест яростным сиянием. Широко раскинувшееся межгорье некоторое время тонуло в глубокой тени, но вскоре и туда забрались очи Хорста. Стас сдвинул со лба обруч с пластиной и, перескакивая с камня на камень, побежал вниз. Опасность появления драконов росла с каждым мигом. Утро казалось слишком тёплым, хотя возможно так только казалось из-за того, что Стас долго бежал по горам.

Но дракон появился всё равно неожиданно. Налетела, набежала тень. Дохнуло смрадом. Стас

рванул что есть сил в сторону. Упал. Перекатился за камень. Боковым зрением засёк скользнувшую над головой тёмную тушу. Выдернул из кожаного чехла подаренный гномами тугой составной лук. Уперев в камень, нагнул, сжал до скрипа непослушный рог, сжав зубы от напряжения, натянул тетиву. А дракон уже разворачивался. Скользил, завалившись на крыло. Крутил уродливой шипастой головой, высматривая жертву. Но жертва не собиралась послужить завтраком для чудовища. Стрела уже легла на тетиву. Направилась в сверкнувший звериной злобой глаз твари... Левая рука привычно выбросила лук вперёд. Сухо щёлкнуло. Мелькнув белоснежным лебединым пером, стрела вонзилась в цель. Глаз лопнул... Дракон ещё летел по инерции, но вторая стрела, посланная вслед за первой, уже вонзилась горло чудовища. Стас успел заметить, как из распахнутой пасти ударила струя пенящейся крови, и буквально швырнул своё тело навстречу пикирующего Дракона. Всё верно! Тварь пролетела над ним. Судорожно бьющие крылья, месили воздух. Голова с треском подобным звуку сталкивающихся камней ударила в скалу... Минутой спустя всё было кончено. Дракон затих. А Стас уже бежал к кромке леса.

Воин стоял на носу драккара и вглядывался в

приближающий берег. Русалья неделя была в полном разгаре, но увидеть танцующих в глубине речных дев можно было, только оставшись одному. Но о том, что сегодня ему не увидеть русалок, Воин не особо тужился. Смутное предчувствие тревожило его куда больше. По мере приближения к берегу, оно только усиливалось. К вечеру ветер стих и теперь корабль шёл на вёслах. Отдохнувшие за день гребцы весело налегали на тяжёлые вёсла, и драккар разве что не летел над водной гладью. Место для того чтобы причалить заметили издалека. Русло уходило понемногу влево, но неподалёку от подмытого высокого берега виднелось нечто вроде довольно ровной поросшей мягкой травой площадки. Груда выброшенного весной сушняка позволяла не особо заботиться о дровах, а кустарник и деревья не слишком плотно подступали к воде. Идеальное место для ночлега. Вначале Воин заподозрил ловушку, но сомнения рассеялись, едва драккар скрипнув днищем не замер у неширокой песчаной полоски. Легко соскочив на траву, Воин поправил перевязь и огляделся. Всё спокойно. Ничто не предвещало беды, вот только чуть дальше у самого обрыва виднелось нечто не подвластное пониманию. Небольшой серебристый шар висел в воздухе, не касаясь травы! Воин оглянулся. Никто из спрыгнувших вслед за ним на берег, не обращал на

шар ни малейшего внимания. Словно диковины и не было! Воин деловито обошёл поляну, по дуге приближаясь к странному объекту. Пахло озоном и удивительной свежестью. Оставалось пройти ещё три или четыре шага. Шар потрескивал и светился всё ярче. Воину вдруг стало страшно. Нет, это был совсем не тот страх, что приходит после схватки. Когда холодным липким потом покрывается спина и начинает вдруг трясти. Здесь было что-то совершенно иное, и Воин почувствовал это. Перед глазами вдруг возникло странное видение. Странная колесница мчится по не удивительно гладкой и широкой дороге. Но коней нет! Просто большая ярко-синяя коробка на четырёх толстенных колёсах. Воин даже услышал низкий рёв, с которым на него надвигалось железное чудовище. Закрытое со всех сторон чем-то прозрачным, вроде хрусталя, если бы существовал хрусталь такого размера, внутри молодой мужчина, держит тонкое колесо. Сооружение пролетело мимо. Осталась лишь каменная дорога. Твёрдая и неподатливая. Сложенная так аккуратно, что не видно даже стыков между отдельными каменными глыбами. Воин потянулся было за мечом, но в поле зрения оказалась ещё одна колесница, что мчалась в том же направлении, что и первая. Кроваво-красная она появилась из-за горизонта и быстро приближалась. Внезапно раздался дикий вопль...

Воин отпрянул...

Пахло свежестью и озоном. Ни каких следов шара. Только на том месте, где он только что висел, тонкой струйкой поднимался в неподвижном воздухе лёгкий дымок. За спиной шумели сотоварищи Рогоста. Разводили костёр. Таскали хворост. Кто-то с луками и стрелами уже взбирался на кручу в надежде подстрелить на ужин какого-нибудь зверя. Драккар, уже привязанный прочными канатами, к забитым в берег кольям, тихо покачивался на воде. Сам Рогост, взобравшись на каменную глыбу, сверху смотрел на привычную бивуачную суету. Никто даже не заметил того что произошло со Стерхом. Что ж, может оно и к лучшему. По крайней мере, не примут за умалишённого. Вернувшись к драккару, Стерх взобрался на борт, отыскал острогу и прямо с корабля принялся высматривать рыбу покрупнее. Вскоре пара солидных щук уже бились на палубе, а Стерх с усилием поднимал на остроге здорового леща. Заметив, что рыба уже есть, Рогост распорядился, чтобы над костром повесили ещё один котёл. Кто откажется похлебать наваристой ухи?! Тем временем на круче появились и охотники, неся на длинном шесте молодую косулю. Рогост посмотрел на них без особой радости.

— Поленились, не стали кабана искать! — проворчал он.

Стерх не сказав ни слова, притащил рыбин и, усевшись на валун, снова посмотрел на то место, где висел, но давно пропал серебряный шар. Что за видение приходило к нему? Что оно могло означать, и почему этот шар был как две капли похож на тот, что появился с момент гибели сына? Странно, но тревога куда-то ушла. От неё не осталось и следа только смутное воспоминание, и недовольство, что не сделал чего-то важного, от чего зависело многое.

Тонкий серп луны появился низко над окоёмом но, так и не разгоревшись, вскоре исчез за лесом. Костёр потрескивал, разбрасывал колючие искры, Огоньки пламени рисовали загадочные узоры, в них виделись и крошечные пляшущие человечки и дивные знаки, но долго глядеть на огонь опасно. Глаза отвыкают от мрака ночи и тогда...

Воин отвернулся от костра. Ему предстояло вскоре заступать в дозор и потому уже заранее следует привыкнуть к темноте. Хотя место безопасное и подобраться к лагерю незамеченным трудно, кто знает, какие опасности могут подстергать путника на чужом берегу. Руяне затянули песнь. О добрых старых временах, когда мир был чист и невинен, когда доблесть ценилась превыше всего, о былых героях, которых уже не повстречать. О том, как славно было сразиться в

честном бою с сильным, но благородным противником и только Перун знал, кто выйдет из него победителем. О том, как летала над полем брани Магура. Как склонялась над павшим, чтобы поцеловать в холодеющие губы достойного. И тогда тот, кто был смел и отважен в последнем земном бою вознесётся в Вирий, а там сидя с родичами и побратимами за огромным столом, станет вволю есть варёную кабанину, запивать её лучшим олом и веселиться. И будет поблизости с хрустом поедать ветки вечного дерева Великая Коза Хельдрун²¹.

Воин, слушая песнь, только усмехнулся. Сотни вёсен назад, такие же парни пели в точности такую же песнь и тосковали по ушедшим временам, когда и деревья были выше, и люди благороднее, и не было на земле места предательству. Невдомёк им, что ничего в этом мире не меняется. И вечность проходит, но остаётся некая вера в то, что когда-то было лучше. Им не понять, что с того первого дня, когда пришли самые первые люди было всё тоже. Так же гибли в сражениях самые отважные. Всё также выживали далеко не лучшие. Вот только жёны каким-то чудом упорно рожали упрямых

²¹ Коза Хельдрун мифическое животное, дающее в Вирии (Валгалле) павшим героям пиво и мёд.

мальчиков, которые с годами становились не только умелыми воинами, но вождями, вожаками ватаг и кланов. Строили собственные государства, осваивали новые пространства для потомков, уходив в Вирий и всё начиналось сначала. К власти приходили трусливые и завистливые. Государство загнивало, падало под натиском молодых и отважных, начинался новый виток спирали. А простые воины всё так же пели мужественные песни об ушедших. Тоскуя об ушедших временах, когда весь мир был чище и справедливее.

Сам Стерх уже давно убедился, что нет принципиальных отличий между всеми детьми Сима, Хама и Яфета. Разве что внешние. У кого-то волосы светлее, у кого-то темнее. Те, что живут в пустынях темнее ликом, кто живёт на берегах студёных морей бел. Но отважные и трусливые, добрые и злые есть среди всех. Даже в Лесу, из которого когда-то вышел сам Стерх. Боги! Как же давно это было! И почему Лес только называли Светлолесьем? Чего тогда только стоило Темнолесье! Если в родном лесу опасностей и ловушек подстерегало такое множество! Как же мало выживало в детей в их роду. Погибали четверо из пяти, а сколько не пожелало весной обращаться в людей? Даже среди Стерхов, четверо из пяти предпочитало оставаться в ином обличье, а среди Локисов и Волков и того больше. Нелегка

человечья жизнь. Немногие на неё отважились. Но нельзя судить тех, кто сломался. У каждого была своя причина.

Песнь закончилась. Руяне укладывались спать на корабле. На берегу остался только дозор. Неусыпный. Ночной. Покраснели угли костра. Колючие звёзды воззрились с небес на притихшую землю. Где-то в чащобе гулко прорычал невидимый зверь. Птицы встрепнулись в ветвях деревьев. Приглушённо журчала могучая река, скользко обтекая гладкие доски корабельного борта. Плескалась в отдалении неразумная рыба. За склонёнными к воде кустами тихо и заунывно, будто тоскуя о чём-то, запела, заплакала русалка.

Переведя дух, Стас устало опустился на поваленное бурей дерево. Солнце сияло в зените. Он долго бежал по лесу, растущему в долине. Под прикрытием крон высоченных деревьев можно было не опасаться нападения драконов. Тем более что летали они в основном ближе к склонам гор. Теперь, когда в просветах между толстенными стволами всё чаще виднелась пустынная каменистая равнина, пришло время передохнуть и подумать, куда двигаться дальше. Тем более что силы почти иссякли. Юноша развязал мешок, порывшись в нём, достал небольшой горшочек с горным мёдом, что дали ему в дорогу гномы.

Провожавший его Кроум, несколько раз повторил, что мёд нельзя есть просто так и помногу. Только чуть-чуть, за один раз не больше чем помещается на лезвии ножа. Благо и нож для этого теперь у Стаса был. То что оказалось в горшочке совсем не походило на мёд. Нечто темно-коричневое, почти чёрное, с резким, но довольно приятным запахом. Юноша неумело ковырнул содержимое и только удивился почти каменной твёрдости маслянисто поблёскивающей субстанции. После нескольких неудачных попыток ковырнуть поглубже, Стас попробовал соскрести верхний слой. Странно, но процесс пошёл! Тонкая, тёмная стружка послушно напоззала на железное лезвие. Проведя ножом от стенки до стенки, он, наконец, решил попробовать *это*. Вкус оказался, мягко говоря, неожиданным. Это нечто, напоминало жаренное на углях мясо, нопряно-сладкое с явно выраженными цветочными тонами. Вот только жевать пришлось долго. Даже челюсти устали, прежде чем удалось разжевать и проглотить последний кусочек. Почти сразу Стас почувствовал сытую тяжесть и усталость. Не в силах справиться с собой юноша сполз на мох, прислонился спиной к стволу дерева и почувствовал что засыпает.

Пробуждение было стремительным и беспокойным. Распахнув глаза, Стас в одно мгновение оценил угрозу. Осторожными зигзагами

к нему приближалось странное существо. Рослое, выше его самого самое малое на голову, поросшее седой грязной шерстью существо горящими красными глазами уставилось на зажатый в руке горшочек.

— ГХРыыыыы! — не то сказала, не то прорычало существо.

Стас, сильно оттолкнувшись, перекатился на другую сторону дерева. Натянуть тетиву он уже не успевает! Существо слишком близко! Нож???! Но как?! Куда бить наверняка этому чудищу? Юноша несколько раз перевернул нож в руке. Лезвие не особо длинное, но крепкое. Рукоять из твёрдого дерева с крупной насечкой удобно лежит в ладони. Вот только сойтись с чудищем в рукопашную просто страшно! Теперь противник, поднявшись во весь рост, двигался прямо, не сводя горящих глаз с заветного горшочка. Решение, парадоксальное, но единственно верное, будто кто-то подсказал. Быстрым движением Стас срезал тонкий пласт горного мёда и прямо с лезвия ножа метнул под ноги чудовища.

— ГХРыыыыы!!! — обрадовано прорычало существо и словно забыло о Стасе. Ловко подхватив не успевший долететь пласт мёда, чудовище в мгновение ока запихнуло его в огромный безгубый рот и тут же плюхнулось на мох. Выражение немыслимого блаженства

отразилось на отвратительной морде.

Вот только жевать твари пришлось тоже долго и эффект последовал точно такой же как и у Стаса. Едва проглотив, чудище довольно рыгнуло, проворчало:

— ГХРыыыыы!!! — рухнуло на мох. Громкое сытое сопение возвестило, что существо сладко спит.

Стас только развёл руками. Но решив лишний раз не рисковать, сунул горшочек в мешок и двинулся дальше к опушке. Солнце всё ещё стояло в зените, значит, спал он совсем недолго, но чувствовал себя вполне отдохнувшим и главное сытым. Каменистое ложе долины пересекал река. Вблизи она уже не казалась узенькой сверкающей лентой. Достаточно широкая и главное бурная. Вполне серьёзная преграда, а если ещё учесть, что в немыслимой выси виднелись распластавшие широкие кожистые крылья драконы, принимать решений нужно было быстро. Понимая, что за спиной скоро может очухаться лесное, а может быть горное диво, Стас решил перебраться на другой берег немедленно. Стараясь скрываться среди разновеликих камней, он добрался до воды. Рокот воды, с ужасающей силой ворочающей камни не предвещали лёгкого пути. О том чтобы переплыть кипящий поток не могло идти и речи. Необходима настоящая и по возможности надёжная

переправа. Вот только как её отыскать?

Как ни таился Стас, дракон всё же заметил его. Начал снижаться, заходить со стороны леса. Делать нечего, юноша бегом, петляя между камней, бросился обратно в заросли. Кто знает, может удастся вновь откупиться от волосатой твари.

Он успел! Дракон так и не понял, куда пропал обед. Покружил над тем местом, где минуто назад был Стас, да и начал потихоньку поднимать ввысь. Вот и то место, где он оставил спящее лесное существо. Только на месте его уже не было! Сторожко оглядываясь, юноша двинулся вдоль реки в надежде, что где-то выше по течению удастся отыскать подходящее место для переправы. Прошло совсем немного времени, и впереди замаячила серая спина чудища. Натянув на всякий случай тетиву, Стас наложил стрелу и двинулся следом. Лучше быть готовым к бою на большой дистанции, чем как в прошлый раз судорожно искать выход из положения. Чудище шагало широко, размашисто, как-то не по-человечьи размахивая длинными, до колен, руками. Время от времени до слуха Стаса доносилось его ворчание:

— ВУР!!! ВУР!!!

Низко посаженная голова, казалось, постоянно обращена к земле, словно тварь что-то высматривала. Внезапно тварь исчезла. Будто сквозь землю провалилось. Только по-прежнему

раздавалось:

— ВУР!!! ВУР!!!

Стараясь не шуметь, Стас наполовину натянул лук и начал медленно приближаться.

— ВУР!!! ВУР!!! — Стало как-то мягче, но одновременно и требовательнее.

Вот уже и виднеется глубокая яма, круто уходящая под землю.

— ВУР!!! ВУР!!! — раздалось совсем близко.

От неожиданности Стас вздрогнул и едва не послал стрелу в каменистую стену ямы и только тут он увидел в глубине серое неопрятное пятно.

— ВУР!!! ВУР!!! — донеслось из глубины, и пятно исчезло, растворившись в темноте. Махнув руки на осторожность, юноша, перехватив стрелу левой рукой, принялся спускаться, хватаясь свободной за выступающие камни, чтобы не свалиться в темную, выглядящую бездонной, яму. Достигнув дна, он не увидел, а скорее почувствовал проход. Неподвижный доселе воздух уже ощутимо дул в спину. Настороженно пройдя несколько шагов, Стас рассмотрел в темноте, неясное пятно и двинулся к нему.

— ВУР!!! ВУР!!! — позвало за собой странное существо.

Юноше ничего не оставалось как пробираться следом. Путь оказался нелёгким. Цепляясь плечами, головой, коленями за выступы, иногда падая, Стас

упрямо шёл на звук, иногда даже видя слабо светящуюся спину лесного помощника. В том, что существо старается ему помочь, уже не было сомнений. Слишком долго они поднимались вверх. Наверняка река осталась далеко позади, теперь путь лежал по какой-то немыслимой лестнице с такими высоченными ступенями, что Стасу приходилось взбираться на каждую из них, словно на постамент. Доходя до каждой следующей ступени, он упирался в неё грудью, карабкался вверх и снова на ощупь двигался вперед, пока не упирался в очередную. Уже ставшее привычным «ВУР!!! ВУР!!!», — подбадривало, звало дальше и дальше. Наконец руки не обнаружили каменной грани впереди. Смутно белеющая спина существа виднелась неподалёку.

— ГХРыыыыы!!! — вдруг попросило существо. Именно попросило! Стас не ошибся!

Не раздумывая, он покопался в мешке, на ощупь, срезал тонкий пластик горного мёда. Протянул в темноту. Рука существа осторожно, коснулась его пальцев. Забрало пластинку. Близко, почти рядом раздалось довольное чавканье, почмокивание. Спустя некоторое время донеслось довольное «ГХРыыыыы!!!» и следом тихое сопение. Существо уснуло! Стас соскрёб себе пластинку, сунул её в рот и, нащупав тёплую шерсть, привалился плечом к нечаянному другу.

Стерх проснулся, когда солнце поднялось уже высоко. Не удивительно, он лёг на рассвете, уже после того как драккар отчалил от берега и неспешно двинулся вниз по реке. Рогост как обычно застыл на носу корабля, посматривая то на своих соратников, то на реку. В зарослях камыша у берега заплутал ветерок. Тихонько пошевеливал уже распутившиеся метёлки. О чём-то шуршал, в полголоса переговаривался с нависшими над самой водой кустами.

— Проснулся? — спросил Рогост, заметив, что Стерх пошевелился.

— Вроде этого. Послушай ярл, тебе не приходило в голову, что людям свойственно иногда спать?

— Именно, что иногда! Солнце уже дыру прожгло в голове, а ты всё дрыхнешь. Иди сюда, расскажи мне, что ты слышал об обрах. Я с ними ещё не встречался, а судя потому, как мы плывём дня через три четыре, окажемся на их землях.

— Не окажемся! — возразил Стерх. Через три дня мы только подойдём к границам Куявии.

— Ты откуда знаешь? Бывал здесь? — уточнил Рогост.

Стерх утвердительно кивнул, но объяснять не стал. К чему распространяться о том, что было без малого век назад! Достаточно того, что сам Стерх

отлично помнил, как возникла Куявия, и кто приложил к этому руку. Так уж получилось, что те кто вышли из Леса продолжили дело Яфета. Создавая не только государства, но и целые народы. Так что возникшие словно по мановению волшебной палочки и Куявия, и Артания, и Барбус не являлись каким-то чудом. Вот Славия осталась как бы в стороне. Рудый Волк, оставив только что созданное государство, ушёл с горсткой самых отважных на Заход. Добрался до Оловянных островов, да вот только сын, которому он оставил Славию, так не вовремя погиб на охоте. Железный вепрь оказался слишком опасным противником. Как результат, оставшийся без твёрдой власти люд, быстро вернулся к истокам. Теперь на огромном пространстве, в дремучих лесах и непроходимых горах жили как встарь отдельные разрозненные группы людей. Зато всякой нечисти, да зверью было полное раздолье. Тцарь Куявии несколько раз организовывал охотничьи вылазки за диковинками, но риск зачастую был попросту неоправдан. Охотники гибли, а то и вовсе пропадали.

— Что замолчал? — спросил Рогост.

— А что говорить? Ты лучше глянь! Мы не одни на реке! — Стерх указал вперёд. Из-за поворота, навстречу драккару Рогоста, выплывала огромная, тяжелогружёная ладья.

Ярл замер на миг, взгляделся и дико заорал:

— К бою! Крючья готовь! Это Сулай!

Судя потому, как засуетились, забежали рюане, предстояла битва насмерть.

Стерх, выполняя договор с ярлом, забросил за спину свой огромный меч и негромко спросил:

— Сулай это кто?

— Убийца моего сына! Собачье дерьмо и клятвопреступник! Он ударил Варгу в спину. Ночью. Как вор! Я тогда не успел отомстить! Сулай сбежал. Но теперь он никуда не уйдёт!

— Ярл, их намного больше! Твои воины не струсят? — на всякий случай уточнил Стерх.

Потому как гневно зыркнул на него Рогост, Стерху стало ясно, бой действительно будет яростный.

Парус убрали, на вёсла сели самые сильные, но оружие держали поблизости. От мощных гребков драккар едва не летел по реке. На ладье тоже полным ходом готовились к бою. Даже катапульту зарядили. Громко хлопнули ремни, сухо ударило дерево, и камень со свистом устремился прямо в драккар. Рогост даже бровью не повёл. Гребцы, что есть сил, налегли, и корабль рванулся вперёд ещё быстрее. Огромный валун, вращаясь и завывая, пролетел над головами и врезался в воду, подняв фонтан брызг за кормой. Лучники Сулая разом выпустили стрелы. Застучало по бортам. Кто-то вскрикнул. Но следующего залпа не

последовало. Слишком быстро сближались корабли. Взметнулись в небо крючья, натянулись канаты. Крики, вопли пронзённых острым железом, хруст ломающегося дерева, звон мечей, всё смешалось в пьянящем шуме битвы. Прижавшись к друг другу, словно любовники в смертельном объятии, корабли медленно плыли вниз по течению, а на их бортах в яростной схватке сцепились люди. Кровь, алая горячая, веером рассыпалась с взлетающих клинков. Раненые, с рассечёнными лицами, отрубленными руками, валялись под ногами сражающихся. Никто не слышал их стонов и воплей. Дымящаяся кровь ручьями стекала вниз, сочилась сквозь палубный настил на носу и корме лужами собиралась на днище.

Рогост рубился наравне со всеми, только пробиться к Сулою у него не было никакой возможности. Противник защищал своего ярла так, словно от этого зависела лично жизнь каждого. Сам Сулой не принимал участия в битве. Стоял на корме своей ладьи и только наблюдал за сражением. Он вполне мог себе это позволить. Воинов под его началом было вдвое больше, чем у Рогоста. Четверо приближённых, оцетинившись короткими копьями, не подпускали никого к своему вожаку. Да и остальные рубились с дружинниками Рогоста умело и зло. На самого Рогоста яро наседали сразу двое. Вооружённые топорами, они

уже измочалили щит старого воина, сшибли рогатый шлем и ему приходилось тяжело, отражая натиск.

Стерх увернувшись от занесённой над головой секиры, пригнувшись, рубанул противника над коленями и, вывалившись на миг из схватки, ударом ноги свалил одного из нападавших на Рогоста врагов. Получив долгожданную передышку, старый ярл поразил грудь противника тяжёлым мечом и, переведя дух, пошатываясь словно медведь, двинулся на Сулоя.

Стерх, прикрывая спину ярла, уверенно отбивая удары слева и справа, двигался следом, не давая сразить старика. Сеча продолжалась. Разгорячённые схваткой противники не замечали потерь. Рогост уже сцепился с копейщиками Сулоя. Его панцирь из кожи тура уже пробит в нескольких местах. Из многочисленных ран сочиться кровь, но ярл не замечал ни боли, ни усталости. Его цель уже была близка, когда один из копейщиков вонзил копьё в бедро Рогоста. Старик рванулся, но острие застряло в ране и навалившийся копейщик, дожав, пригвоздил старика к борту. Только теперь Сулой усмехнулся, шагнул вперёд, воздел меч над непокрытой головой поверженного ярла.

Стерх, видя, что не успевает, прыгнул вперёд, левой рукой перехватил запястье Сулоя, а взмахом правой рассёк горло другому копейщику. Сулой,

выронив меч, шагнул назад, не удержался, потерял равновесие и, увлекая за собой Стерха, рухнул за борт.

— ВУР!!! ВУР!!! — услышал Стас и... ничего не увидел. Темнота окружала его. Загадочная пластинка на обруче здесь почему-то не действовала.

— ВУР!!! ВУР!!! — снова позвал его мохнатый друг.

Теперь юноше удалось разглядеть смутный белёсый силуэт. Поднявшись, он направился к спасителю.

— ВУР!!! ВУР!!! — проворчало существо и заковыляло в темноту. Стас последовал за ним. Снова, тёмные лабиринты, снова, то узкие, то широкие коридоры. Юноша мог судить о размерах помещения только эху собственных шагов. Мохнатое загадочное существо двигалось абсолютно бесшумно. В одном из залов они остановились.

— РАА!!! — неожиданно произнесло существо, новое слово.

Стас не понял, что это значит и не придумал ничего лучшего как просто остановиться. И правильно сделал, потому, что когда существо начало удаляться едва стоило ему двинуться «РАА!!!» — прозвучало уже угрожающе.

Некоторое время юноша стоял неподвижно. Ничего не происходило. Беспокойство нарастало. Один. В непонятной пещере. Незнающий как отсюда выбраться. В темноте время остановилось, Стас даже не представлял, сколько он находится тут. Ноги занемели. Он опустился на корточки, развязал на ощупь мешок. Принялся на ощупь определить, что же у него есть из припасов. Так случилось, что в туго набитом мешке единственное, что он знал точно, есть горшочек горного мёда, который сунул ему при расставании Кроум, что там было ещё, он не догадывался, а времени посмотреть было недосуг. Теперь в крошечной темноте изучение содержимого оставалось единственно возможным.

Стас осторожно доставал и перебирал предметы, пытаясь угадать, что именно он держит в руках. Вынул котелок с затолкнутым внутрь куском ткани. Несколько мотков не то веревки, не то запасной тетивы. Продолговатую деревянную коробочку с наконечниками для стрел. Какой-то мешочек, с чем-то мягким. Когда Стас опускал его на каменный пол, что-то стукнуло. Решив до конца разобраться с мешочком, юноша снова взял его в руки. Осторожно развязал, вынул нечто мягкое свёрнутое жгутом и... в руке скользнул плоский кусок металла с грубой насечкой. В мешочке остался только увесистый камень. Стас уже хотел отложить его в сторону, как вдруг внезапно

сообразил! Да это же кремень и кресало! Тогда мягкий жгут и есть трут! Зажав трут и кремень в левой руке, он ударил по нему кресалом. Целый сноп искр на мгновение осветил разложенные на полу вещи! Вот это удача! Да что там удача! Спасение!!! Стас уже устал от темноты и неизвестности. Оставалось только развести огонь. При свете тлеющего трута, он отрезал кусок шерстяной ткани, намотал его на клинок и пожёг импровизированный факел. Света он дал немного, но зато вони от горящей шерсти предостаточно. Зато теперь можно было, хоть как-то ориентироваться. Наскоро упаковав свои пожитки в мешок, он, подняв над головой нож, двинулся вперёд. Скучный свет горящей шерсти давал лишь смутное представление о том месте, где находился Стас. Титанические квадратные каменные плиты выстилали пол. Стены зала терялись во тьме. Возле ближайшей только угадывалось что-то тёмное. Когда юноша подошёл поближе очертания большущего сундука стали яснее. Распахнутая крышка позволила заглянуть внутрь. Тускло блеснули камни на гигантских кубках. Маслянистый блеск золота вызвал лишь усмешку у Стаса. Более бесполезного металла он не знал. Зато одна из треснувших досок на крышке заинтересовала значительно больше. Пристроив самодельный факел на каменном выступе, он

вцепился в деревяшку и огромным трудом, но всё же вырвал её из крепежа.

Сухое выдержанное дерево занялось в ту же секунду, едва Стас поднёс к нему горящую тряпку. Яркое весёлое пламя выхватило из темноты большую часть огромного зала. Теперь Стас смог увидеть и развешанное по стенам оружие и исполинские железные доспехи, которые впору могут быть лишь великану, мечи в рост человека, неподъёмные топоры и боевые секиры. Чего тут только не было и всё такое огромное, что даже не стоило мечтать о том, чтобы применить подобное оружие в бою, его и просто поднять наврядли юноше по силам. Сундуки, стоящие у стен, по большей части стояли распахнутыми. Груды золота, странных квадратных монет с дыркой посередине, драгоценные камни, и... ничего полезного. Лишь в одном сундуке на глаза Стаса попался небольшой амулет. Серебряная летучая мышь или странная птица на цепочке. Едва юноша взял его в руки принялся рассматривать, как за спиной послышалось недовольное рычание:

— РРРыыыМ!!!

Существо вернулось. Теперь в пляшущем свете факела Стас смог хорошо рассмотреть вблизи крупную заросшую шерстью физиономию своего спасителя. Низкий покатый лоб, резко выступающие надбровные дуги, удивительно

тонкий, длинный нос и безгубый провал рта на сильно вдающихся вперёд челюстях, да глубоко посаженные сияющие красным крохотные глаза. Что и говорить, красавцем назвать друга было трудно.

— РРРыыыМ!!! — снова прорычало существо, указав непомерно длинной рукой на пылающий факел. И развернувшись, пошлёпало прочь, переваливаясь с ноги на ногу. Лишь отойдя на значительное расстояние, существо позвало Стаса за собой.

— ВУР!!! ВУР!!!

Накинув амулет на шею, юноша двинулся за Лохмачом. Они шли долго, деревяшка давно сгорела. Бесконечный извилистый коридор опять потонул в темноте. В какой момент ход стал уже, Стас не заметил, только почувствовал, начал время от времени цепляться то одним плечом, то другим. В лицо подул свежий ветер. После застоявшегося воздуха подземелья у Стаса немного закружилась голова. Стало значительно светлее. Камень из-под ноги покатился куда-то вниз. Загремел, загрохотал, увлекая за собой другие. Юноша остановился и только сейчас понял, что он стоит на небольшой площадке, а прямо над головой ослепительно сияют звёзды. Обессиленный, юноша опустился на камень, рядом присел и лохматый друг.

— ГХРыыыыы!!! — проворчал Лохмач.

— Давно пора! — поддержал его Стас, уже привычно достал горшочек, наскоблил другу и себе по пластинке горного мёда и забылся, привалившись к тёплому боку Лохмача.

Вода сомкнулась над головой Стерха. Сулой, выронив меч, вцепился обеими руками в Воина. Тяжёлый золочёный доспех тянул на дно. Сулой судорожно барахтался, но быстро теряя силы, погружался всё глубже, таща за собой Стерха. Воину ничего не оставалось другого, как попытаться оторвать от себя противника, Но не тут-то было! Сулой вцепился насмерть. Его пришлось бить рукоятью меча, но голове, но тот, казалось, уже ничего не чувствовал. В разинутый в безмолвном крике рот, водопадом вливалась вода. Сулой захлёбывался, но всё равно продолжал кричать. Вот только яростный крик выходил большущими, всё увеличивающимися пузырями. Стерх изловчился и нанёс-таки последний, разящий удар. Скрюченные пальцы врага разжались и, оставляя за собой бурый размытый след, он ушёл в темнеющую глубину.

Воздух в лёгких заканчивался. Мучительно хотелось вздохнуть, но свет, такой далёкий, недосыгаемый оставался так далеко. Намокшая одежда не позволяла плыть быстро. Меч, столько раз выручавший, спасавший от верной смерти

грозил именно тем последним грузом, что неминуемо потянет на дно. Нервными гребками Стерх пытался выплыть на поверхность, вот только силы таяли слишком быстро. В газах темнело. Ещё миг и непослушное тело, взбунтовавшись, раскроет сомкнутый рот, воды хлынет в судорожно сжатые лёгкие и...

Солнечный свет ударил в лицо... Воздух со свистом ворвался в напряжённую грудь... Сцепившиеся корабли... Выпученный глаза ружья... Грохот крови в ушах...

— Стерх держись! Цепляйся за весло! — это уже крикнул Рогост, привалившись к борту. С его раненой руки, струйкой стекала кровь.

Как Стерха вытащили из воды, он не помнил. Только удивлённо-восхищённые крики, да ропот никогда не умевших плавать дружинников:

— Колдун! Колдун!

Воин приходил в себя медленно, сказывалась и усталость, и нервное напряжение, и что не маловажно настороженное отношение дружины. Жители северного острова даже понятия не имели, что люди могут не только пить воду, но плавать в ней. Потому и старались сражаться на мелководье. Где в случае чего можно выскочить за борт и продолжить сечу по пояс в воде. То, что сделал Стерх, действительно походило на чудо. Он выплыл, поднялся не просто с чудовищной

глубины, но и как бы вернулся с иного мира. То, что Стерх другой, стало понятно даже тем, кто был мало знаком с ним. А вот с Рогостом дело обстояло не в пример плохо. Широкая сквозная рана в бедре грозила воспалиться, а это уже верная смерть, срочно был необходим опытный лекарь, но его как водится, ни на одном из кораблей не обнаружилось.

Страсти по поводу боя утихли на удивление быстро. После гибели Сулоя большая часть его дружинников, оставшихся в живых, присягнуло пусть и тяжело раненому, но живому Рогосту. Из дружины руян, целыми и невредимыми осталось меньше половины. Восемь сложили головы, ещё десяток ранены. Тут же на берегу сложили погребальный костёр. Устроили тризну. Двое отказавшиеся присягнуть Рогосту, ушли берегом сразу после тризны.

В путь тронулись на рассвете. Рогосту стало хуже, тело его горело. Воспалённые глаза горели. Речь стала невнятной, путанной. Стерх возглавил караван из двух судов. Как самый опытный, он уверенно принял командование и быстро подавил не нужные разговоры по поводу его умения плавать. Попросту, вызвал на поединок на кулаках самого сомневающегося. Естественно победил, причём так, что ни у кого его победа не вызвала ни малейших сомнений. Теперь Стерх стремился как можно скорее добраться до Куявии. Там есть

лекари, они сумеют спасти Рогоста. Стерх никогда сам не обращался за помощью, даже в случае ранения. Старался обходиться привычными средствами. Баней и всем за этим следующим. Помогало. По крайней мере, ему. А вот в случае с другими людьми всегда настаивал на помощи лекарей. Так ему казалось надёжнее.

Распределив имеющихся воинов по кораблям, сам Стерх остался на даккаре, как на более привычном и главное быстрходном. К вечеру на высоком левом берегу заметили конный разъезд куявов. Чтобы уточнить далеко ли до столицы пристали на небольшом песчаном пляже.

Не успел Стерх спрыгнуть с высокого борта, как к нему подскакал молодой горячий воин.

— Кто такие, куда плывёте? — не спешиваясь, спросил он.

— Идём с острова Руяна. Хотим добраться до Опалённой земли! — спокойно ответил Стерх. — Кто командует дозором?

— Чётник Скид. А ты кто будешь?

— Стерх, из рода Стерхов. Хотя ты наверняка не знаешь, — отмахнулся Стерх.

Тем временем к ним приблизился вполне зрелый воин в золочёном доспехе и украшенном роскошным плюмажем шлеме. Стерх невольно поморщился. В таком возрасте можно быть и скромнее.